

18+

Виолетта Лосева

*Как безнаказанно
быть женщиной...*

МОНЕТИЗАЦИЯ НЕЖНОСТИ

999 заблуждений

Виолетта Лосева
Монетизация нежности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41259635

ISBN 9785449638700

Аннотация

В книгу вошли три повести: «КУПИТЕ НОВОЕ БЕЛЬЁ, или Монетизация нежности», «ТЫ ЖЕ ДЕВОЧКА! Или Форрест, поплачь обо мне», «ПИРОЖОК И ПАРИЖАНКА». Любовь, семейные и несемейные отношения, страсть и немного маркетинга...

Содержание

МОНЕТИЗАЦИЯ НЕЖНОСТИ	6
КУПИТЕ НОВОЕ БЕЛЬЁ	6
ТЫ ЖЕ ДЕВОЧКА!	7
ПИРОЖОК И ПАРИЖАНКА	8
КУПИТЕ НОВОЕ БЕЛЬЁ	9
Глава 1	9
Яблочный компот	9
Глава 2	24
Мужчины и женщины обращают внимание	24
Глава 3	32
Овсянка в нужной степени	32
Глава 4	48
Если он ушел к другой	48
Глава 5	58
Моя невыносимая Эстер	58
Глава 6	72
Двое под одной крышей	72
Белая фуражка	79
Глава 7	82
Гормональный бизнес	82
Глава 8	93
А мне не больно!	93
Глава 9	107

Аномалия семейного счастья	107
Глава 10	119
Я желаю вам добра	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Монетизация нежности

Виолетта Лосева

© Виолетта Лосева, 2019

ISBN 978-5-4496-3870-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОНЕТИЗАЦИЯ НЕЖНОСТИ
Как безнаказанно быть женщиной
(999 заблуждений)

КУПИТЕ НОВОЕ БЕЛЬЁ
или
МОНЕТИЗАЦИЯ НЕЖНОСТИ

ТЫ ЖЕ ДЕВОЧКА!

или

Форрест, поплачь обо мне

ПИРОЖОК И ПАРИЖАНКА

КУПИТЕ НОВОЕ БЕЛЬЁ

или

МОНЕТИЗАЦИЯ НЕЖНОСТИ

Глава 1

Яблочный компот

На балконе пахло зелеными яблоками, а и соседского окна стонал и вспыхивал «Чардаш» Витторио Монти. В доме напротив прямо на окне сушилось какое-то постельное белье, а нарядная пара, которая шла мимо, по-видимому, выясняла незадавшиеся с утра (или с вечера) отношения.

– Ты можешь, наконец, сказать, когда что-нибудь изменится? Ты же не подросток, которому достаточно сказать маме «я стараюсь, делаю все, что могу, но не все получается», правда? Чего ты молчишь?

– Я тебя слушаю.

– А я хочу послушать тебя. Ты собираешься что-то менять? Ты собираешься что-то делать? Ты...

Как странно было слышать кусочек чьей-то жизни, который начинался у подъезда номер два и заканчивался для те-

бя у подъезда номер четыре. У поворота на магазин свежей выпечки.

О, как это было знакомо... Каждое слово!

Парочка свернула к магазину, и их спины всем своим видом показывали...

Его спина говорила: «Что она от меня хочет?»

А ее спина просто визжала «Как же сказать ему так, чтобы он, наконец, понял?»

«А знаете, давайте все-таки влюбляться! – заговорило радио из соседнего окна. «Чардаш» закончился, и началась какая-то сильно мотивирующая программа.

Проникновенный и трепетный женский голос старательно вещал, создавая образ «ребята, хватит смотреть в свою тарелку, смотрите шире на мир, вот я, например...»

– Прежде всего, вам нужно полюбить себя. Полюбите себя, и вы увидите, как мир откроется перед вами, – продолжало соседское радио,

– Мы сами придумываем себе преграды, проблемы и комплексы. Вдохните жизнь, освободитесь и вы поймете, что можете все. Полюбите себя!

Яблочный аромат был просто одуряющим.

«Ага, – подумала Ирина, – вот так вот возьмите и полюбите. Это же так просто. И ничего не стоит. Раз – и полюбил! Прослушал инструкцию – и полюбил себя. Как замечательно! Разлюбите колбасу и полюбите манную кашу. И мир заиграет новыми красками!»

«Вы живете той жизнью, о которой мечтали? Представьте себе сильную женщину, которая плачет у окна... Что делать, если разладились отношения с любимым? Как исправить ситуацию? Куда бежать, если вы остались в полном одиночестве? Совет первый: даже если вы полностью „на мели“, купите новое белье и дорогую косметику и влюбитесь опять – как в первый раз...»

«Гениально!»

Ирина так и не услышала совет номер два. Соседи выключили радио. Наверное, чардаш всколыхнул другие эмоции, после которых советы «полюбить себя» оказались не к месту. А, может, просто занялись чем-то другим. А, может...

Другие люди... Чего гадать?

Ирина заглянула в пакет с яблоками. Пора варить компот. Почти на каждом яблочке просматривалось пятнышко, которое уже завтра сделает все плоды непригодными к употреблению.

О, как казенно это звучит: непригодными к употреблению.

Хотя... Просто такая фраза.

Так и в жизни: наслаждайся ароматом, но время от времени заглядывай в корзинку – не завелся ли там червячок. А то будет поздно. Останется только компот сварить, чтобы все остальное не пропало. Употребить в дело, так сказать. То, что еще можно употребить. А остальное – только выбросить. И не пытаться из гнилого яблока выжать свежий сок,

а из жмыха – сварить варенье, добавив сахарку по вкусу... Потому что потом становится жаль еще и сахара, который добавляешь «во спасение» всего, что долго портилось прямо на твоих глазах.

Ах, какие красивые аллегии... И мудрые, черт возьми... Можно развивать и развивать, описывать и описывать, углубляться и углубляться... Полюбите себя, в конце концов, а то прозеваете все ваше счастье, которое вот-вот уплывет к кому-нибудь другому.

А куда деваться?

Хорошо-хорошо, не нужно мудрствовать, нужно быть проще, обычнее, прагматичнее, рациональнее.

Аромат яблок? Зачем? Побрызгайся духами и полюби себя. И давайте же все-таки влюбляться, дамы и господа!

Прекрасные советы раздаются со всех сторон. Просто некуда деться.

Нарезая яблоки, Ирина вспоминала вчерашний разговор. Один из многих, закончившихся ничем. Просто вечерний разговор, от которого под утро становится не по себе. Тоскливо и досадно. И даже стыдно за свои слова. И за его реакцию тоже было стыдно.

«Как глупо, – думала она, кромсая эти несчастные яблоки и, без сожаления выбрасывая их бока с пятнышками, – Я, как будто, трясу его и говорю: «Ну когда, когда же ты, наконец, скажешь то, что я хочу услышать? Когда же ты станешь таким, как я хочу? Когда же ты поймешь меня?»

Самое смешное, что она, в силу своей профессии, в пух и прах могла разбомбить все его аргументы. Логично, весо-
мо, не придерешься.

Если бы они были, эти аргументы.

Ему проще было перемолчать. «Пересидеть в уголочке,
я бы сказала». Втянуть голову в плечи и ждать, пока буря
утихнет.

– Я не умею красиво выражаться... – говорил он всякий
раз, когда Ирина взывала к ответу.

– И не надо. Никто не ждет от тебя красивых слов и ум-
ных фраз. А где твои дела? Или я опять должна сама за все
отвечать? А где твои поступки? А где твои подвиги?

Про подвиги она, конечно же, не говорила, но подразу-
мевалось что-то такое яркое, необычное, звенящее, таин-
ственно-сексуальное... Как «Чардаш» Витторио Монти...
Да и не нужны были ей его подвиги.

А нужно было...

Что?

Не так уж много...

Нужно было всего-то, чтобы она чувствовала себя дамой,
ради которой кто-то готов совершить подвиг. Пойти на риск.
Совершить какой-то безумный поступок. Горы свернуть.

Однозначно, муж Сереженька не дотягивал до необходи-
мого уровня.

И даже до достаточного уровня не дотягивал. В плане по-
двигов.

Впрочем, в других планах тоже.

Вари себе компотик, девочка, из порченных яблок, и мечтай о рыцаре, который ну никак не вписывается в рамки «был бы человек хороший...»

О, как же достали эти штампы о «хорошем человеке», рядом с которым ты просто обязана понять, что «не в деньгах счастье».

И, почему-то ей всю жизнь попадались именно такие – хорошие.

Порядочные. Честные. Добрые.

Как церковные мыши... Во всех отношениях.

Какой он у тебя хороший! Как же он на тебя смотрит!

Хоть бы раз встретился какой-нибудь подлец-олигарх, ни стыда, ни совести, мошенник, обманщик, который заставил бы страдать от его измен и невнимания...

Так нет же.

Ах, какой же он у тебя хороший. Кому ни скажи... Хороший и порядочный.

А знали бы вы...

А что они должны знать, девочка моя? Что тебе хочется чего-то «такого», а ему и так хорошо? Что ты старалась-старалась быть мудрой женщиной, вдохновлять его, хвалить, поощрять, а потом раз – и все надоело?

Надоела картинка, нарисованная собственным карандашом в собственном альбоме? Нарисовала и поверила – так вот же он какой? А потом уже и сама не понимала, что есть

на самом деле, а что – картинка собственного производства?

Ну-ну...

Компот начинал кипеть, и теперь уже вся квартира наполнилась нестерпимо летним яблочным духом.

Самым забавным в ситуации было то, что эта уже не совсем юная, но все еще отчаянно очаровательная дама, сама учила других как нужно строить отношения, как нужно добиваться успеха, и становиться женщиной во всех смыслах – на все случаи жизни.

Случаев жизни было достаточно. Поэтому и выглядеть нужно было так, чтобы все неприкаянные дамы, которые приходили на занятия со своими проблемами, преградами и «таджиками» в голове, увидев ее, настраивались на нужный лад.

Ирина – это успех, это благополучие, это интеллигентность и элегантность, это вам не «мяу-мяу» накаченных в разных местах блондинок, это достойная лаконичная красота, созданная собственными руками.

Видите, как можно? Видите, как я смогла? Вы тоже сможете.

И ни грамма зависти.

Одним словом, верьте мне, девочки... У нас с вами все получится. Эффект плацебо еще никто не отменял. Главное – верить...

А как же им не верить, если тренинг стоит недешево? Кому признаешься, что ты заплатила деньги, пришла на тре-

нинг, получила сертификат, но осталась той же, что и раньше?

Плюс-минус... Где-то так.

Минус стоимость тренинга, плюс одна мысль – делай себя сама...

Ну и разные общеоздоровительные процедуры, и мероприятия: не ешь вредной пищи (в смысле, не запускай негодяев и слабаков в свою орбиту), дыши свежим воздухом (в смысле, позволяй себе оторваться от затхлой рутины), занимайся щадящей физкультурой (не напрягайся сильно, но двигайся) и так далее...

Познай себя. Полюби себя. Прояви себя. Раскопай свой талант и... Давайте же влюбляться, леди! Мы же с вами... женщины.

Именно так, проникновенно, как в кино – мы же с вами (пауза) – женщины...

И ничего, что у вас от моих речей, да и у меня тоже, возникает чувство легкой неловкости.

Знаете, как присесть на лавочку в парке, где уже кто-то сидит. С одной стороны – парк общий и скамеечки, вроде бы, для всех. И свободные остались только на солнце, а вы хотите в тенечке. Да и лавочка длинная – я же никому не помешаю?

Но... Как-то и неловко. Ее же уже заняли.

И, как будто, ничего такого особенного. Я что, не могу посидеть в парке там, где я хочу и мне удобно? Они что, ее купили? Да они и не скажут ничего, места-то всем хватит...

И, тем не менее...

Лавочки в вечернем парке. Сколько можно придумать красивых ассоциаций и аллегорий! Например, ну зачем же нам Майами, если рядом – любимый? С ним же можно вот так, душа в душу, голова к голове, рука в руке посидеть на лавочке под кустом сирени, и... высшее счастье, когда любимый отмахивает от тебя комаров.

Куда там Лазурному берегу до такого кайфа...

Потому что – с любимым...

Часть яблочного компота, как обычно, выкипела на плиту. Запахло еще и печеными яблоками. Ирина вздохнула и отставила кастрюльку. Мысли в голову лезли всякие.

Когда они познакомились с Сергеем, она, почему-то (теперь точно и не сказала бы, почему именно) решила, что именно он даст ей те ощущения, к которым она стремилась, и которых была лишена, встречаясь с другими мужчинами. Сергей безоговорочно признавал, что она – прекрасна, талантлива, уникальна, и что она – лучше всех.

Он просто был в этом убежден по определению. Ему не нужно было искать причины и мотивы. Лучше всех, потому что лучше всех. Точка.

– За что ты меня любишь? – спрашивала она. Ох, этот глупейший вопрос женщин всех времен и народов. Сергей отвечал правильно:

– Если знаешь, за что – это уже не любовь.

Ирина понимала, что «где-то уже слышала это», да он

и не приписывал себе авторство фразы, но ей нравилось.

Любит безусловно, беспричинно, просто любит.

Любит!

За то, что я – это я!

Как мило!

Нужно сказать, что и от других поклонников ей часто приходилось слушать комплименты – внешность, действительно, была яркой, поэтому недостатка в восхищении со стороны Ирина не испытывала.

Было на что посмотреть и чем полюбоваться.

Но... Это было восхищение произведением искусства, природным явлением. Знаете, такая великолепная горная река, цветущее дерево, свежий ветер...

И только Сергей, который больше разбирался в технике, чем в красноречии (в «гайках», как шутила она), умел сказать: «Ты мой грустный совенок. А твой животик похож на пузико ежа – такой же мягкий и беззащитный...»

Ну вы понимаете.

Горная река и пузико ежа.

Есть разница.

Конечно, она прониклась. Иначе и быть не могло...

«У нее все свое: и жильё и бельё... Ну а я ангажирую угол у тети...».

Соседи опять включили радио. Или не радио? Одним словом, что-то там включили. Вот не могут люди наслаждаться музыкой в одиночку. Нужно врубить так, чтобы весь дом

и его окрестности получили удовольствие. А тут еще плита вся в компоте. И яблочками пахнет.

Жилье... Белье... Быльем поросло.

Когда они с Сергеем решили жить вместе, как-то само собой получилось, что жить они будут у нее. У него было и теснее, и грязнее, и неуютнее, и вообще.

Почему я должна куда-то переезжать?

Менять свои привычки и домашний уклад?

А вдруг не понравится?

Ездить туда-сюда?

– Как ты захочешь, так и будет, – сказал тогда Серженька.

«Главное – вместе...» – мысленно добавила она фразу, которую он, якобы (по ее мнению) не договорил, но подразумевал.

По ее мнению.

Нет, чтобы сказать «это я, как мужчина, должен обеспечить любимой девочке красивую надежную крышу над головой и пару бриллиантиков в месяц – для души».

Впрочем... Она этого и не ждала. Неужели непонятно? Взрослые люди. Современные люди.

Разве кто-то кому-то что-то должен?

А как же мечты о принце на белом коне?

Ой, не смешите меня.

Сейчас уже даже четырнадцатилетние девочки не верят в эти сказки. Хочешь развлечься? Развлеки себя сама. Хочешь красивой жизни? Обеспечь ее. Хочешь путешество-

вать? Села за руль, заправила машину и – вперед.

А он?

А он... главное, чтобы человек был хороший...

Как-то внезапно Ирина поняла, что, единственное, зачем ей нужен был мужчина в доме – это для открывания консервных банок.

Все остальное она умела делать сама.

В крайнем случае – вызывала мастера.

Но... Для того, чтобы открыть банку мастера же не вызовешь?

Абсурд какой-то!

«Ой, что-то меня заиклило, – думала Ирина, отчищая плиту, – нельзя так... Вот зачем я вчера столько всего ему наговорила? Он же все равно сидел, слушали думал «как это несправедливо, я же стараюсь...»

– Это когда у мальчика в 13 лет что-то не получается, то можно сказать «ах, он же старался, он сделал все, что мог, он еще научится...» Мама мальчика может так сказать, – почти кричала она вчера во время разговора, – А когда мужику почти пятьдесят, а он все старается... То... Может пора уже перестать стараться и заниматься самооправданием? Винить обстоятельства? Зачем твоей женщине твои старания? Зачем? Старайся дальше! Только причем тут я?

Сидел и молчал. Только на лбу было написано «как это несправедливо».

– Может, я пожалуй тебя должна? Что ты такой бед-

ный-маленький-несчастненький? Что все мешают тебе чего-то добиться?

– Не надо меня жалеть...

Вот и весь разговор.

– Каждый живет той жизнью, которую он сам себе организовал! – припечатала она напоследок, – Не лучше и не хуже. Вот и все. А я не хочу жить с подружкой по общежитию, я хочу, чтобы рядом был мужчина!

«Никогда не ущемляйте его чувство собственного достоинства, – на тренингах это звучало буквально каждый раз, когда разговор заходил о разговорах. – Никогда! Это – табу. Мужчина, даже самый слабый, не может быть униженным. Возможно, он это не почувствует. Но это происходит только в том случае, если он – дурак. Но мы же не живем с дураками, правда? А вот если он не совсем дурак, то он вам этого не простит. Он простит унижение своей маме и другу, начальнику и соседу по гаражу... Но женщине, которая его унизила, он не простит этого ни-ког-да. Даже, если он перевел это в шутку. Даже если вы потом признались, что сказали сгоряча. Даже, если вы совсем не это имели в виду... Не простит...»

И потом... Вы хотите ложиться в постель с униженным мужчиной? Девочки, опомнитесь!

«Ваши слова „ты – не мужчина“ разом перечеркивают и перевешивают и его вину перед вами, и многолетнее лежание на диване, и безразличие, и безделье, и грубость,

и слабость... Сразу же виноватой становитесь вы! Запомните это!»

Уже одетая перед выходом на работу, Ирина опять вышла на балкон. Яблочный дух почти выветрился, но иногда ветер приносил новый аромат – дворник стриг газон (машина трещала на весь двор), и на балконе стояло благоухание скошенной травы.

Ну, не совсем, конечно, скошенной, но тем не менее... травы.

Вкусно пахнет...

«Ирочка, как хорошо у тебя получается придумывать аргументы, – хвалила ее лайф-коуч Ольга Николаевна, – Ты – умница. Тебе верят. Ты отлично подбираешь слова. Видно, филологический бэкграунд дает себя знать...»

Да уж...

Ирина закинула ногу за ногу. Получилось очень изящно. В чашке еще оставалось два глотка кофе, сваренного Сереженькой сегодня утром, пока она спала.

Туфли на шпильках, легкий летний костюмчик цвета бледно-морской волны, едва приметная усталость под глазами, длинные ресницы и полный дисбаланс в чувствах.

Итог мирного утра с яблочным компотом.

Ну что ж... Пора на работу. В отличие от личной жизни, жизнь деловая приносила хотя бы материальное удовлетворение.

Увы... Или вот именно? Ирина так и не ответила на этот

вопрос.

Глава 2

Мужчины и женщины обращают внимание

«Уметь показать – это особое искусство.

Между тем, что мы ХОТИМ показать и тем, что видят окружающие, часто, лежит пропасть.

Один из моих бывших начальников совершенно серьезно собирался разместить информацию о конкурентах на своей визитке. На вопрос ЗАЧЕМ?, я получила ответ:

– Чтобы все видели, что я ничего не боюсь!

Я сдержалась, конечно, но очень хотелось сказать: «Ты хочешь показать, что ничего не боишься, а показываешь, какой ты идиот. А это, согласишься, разные вещи!»

О, как часто это встречается в жизни! Женщина хочет показать, что она скромная и непритязательная, а мужчина видит, что она тупая. Мужчина хочет показать, что он крутой, а женщина видит, что он примитивный. И так далее...

Что, не бывает?

Еще как!

Лучший совет был бы, наверное – не старайтесь показать то, чего нет. Будьте собой. Но, как в каждом коротком ультимативном совете, правды здесь только половина. Как обыч-

но.

Встречают-то по одежке!

Или еще: у вас не будет второго шанса произвести первое впечатление.

Вот это – точно! Если вести речь о порядковых номерах. первое, второе и так далее...

А если копнуть глубже, то...

Одним словом...

Западные ученые (ну, вы понимаете, что я имею в виду), провели опрос о том, на что люди обращают внимание на первом свидании, и поделились с нами результатами.

Вот 6 вещей, на которые в первую очередь обращают внимание мужчины. Это поможет милым и немилым женщинам понять, о чем нужно позаботиться на встрече, при знакомстве или просто общении. Принято считать, что «мужчины любят глазами», а оказалось, что это не всегда и не совсем так.

Итак, поехали.

1. Мужчины обращают внимание на цвет вашей одежды. Зачастую это происходит бессознательно. Не каждый мужчина знает, что значит (или считается что значит) тот или иной цвет. И далеко не все делают выводы о том, что «пришла в красном» значит агрессивно хочет замуж, пришла в черном – тоскует или в депрессии, пришла в зеленом – нахалка...

Но...

На подсознательном уровне у него откладывается, соответствует ли цвет вашему внутреннему миру, возникает вопрос – что именно вы хотели показать, а что – скрыть, надевая платье именно этого цвета. И, наконец, он может просто ненавидеть определенные цвета или оттенки, так как это напоминает ему его ненавистную бывшую возлюбленную или просто нелепую соседку по этажу...

Естественно, вы не знаете ни его бывшую, ни то, что происходит у него в подсознании. Но просто помните о том, что он на это обращает внимание. Вот так, без всяких рекомендаций. Просто помните – и все. Интуиция подскажет вам что делать дальше с цветами вашего гардероба.

2. Мужчины обращают внимание на вашу мимику. Здесь, конечно, было бы уместно порекомендовать «следите за лицом», но это очень трудно, и западным ученым неплохо было бы об этом знать. Но все равно – следите как можете... Можно даже потренироваться – сидите за компьютером (знаете как это бывает – глаза сощуренные, рот приоткрыт, все морщины съехали в один бок), а потом – раз и посмотрите в зеркало. И сразу станет ясно, что расслабляться нельзя...

3. Мужчины обращают внимание на ваш аппетит. Едите мало? Один скажет «манерничает, как кисейная барышня», другой – «о, смогу прокормить», третий – «больная что ли?», и так далее. Едите много? Один скажет «ну и жрет!», другой «с таким аппетитом и работает, наверное, как лошадь!», третий будет прикидывать, хватит ли у него денег в кошельке,

а четвертый умилится «моя прожорлеванная куколка»... Одним словом... Обращают внимание в любом случае.

4. Мужчины обращают внимание на то, насколько вы ухожены. Причем, сколько мужчин, столько и взглядов. Для одних ваша «ухоженность» – это внимание к нему, а для других – это «большие затраты в будущем». Для третьих это «думает только о себе», для четвертых – «какая лапочка!». У пятых ваш скромный макияж вызовет мысль «наштукатурилась», у шестых – «могла бы и подкраситься...». И опять же, не зная этого мужчины вы никогда не поймете, как он воспримет то, что вы хотели показать, а что – скрыть. Одним словом – просто помните, что они на это обращают внимание, а дальше – интуиция подскажет

5. Мужчины обращают внимание на ваши особенности, странности, отличия от среднестатистической женщины. Если такая вообще существует в природе или в его представлении. Одним словом, трудно угадать, что для него есть норма, а что – бзик, мягко говоря.

Пришла на свидание с любимым мишкой? (пояснение для редактора – мишка – писать исключительно с маленькой буквы). (пометка для себя – написать статью о том, как меняется смысл от таких, казалось бы, мелочей – будет прикольно).

И? Один скажет «выпендривается», другой – «совсем девчонка», третий мысленно покрутит пальцем у виска, четвертый пожмет плечами.

6. Мужчины обращают внимание на то, что и как вы го-

ворите. О, эта тема тоже требует отдельного исследования. Сколько бы ни писали о том, что мужчины смотрят только на вашу грудь и другие места, и им абсолютно безразлично что там вещает ваш очаровательный ротик, и какие извилины при этом шевелятся в вашей еще более очаровательной головке, они обращают внимание на то, что и как вы говорите. На самом деле они не такие уж примитивные, как нам хотелось бы их видеть. Одним словом (мое глубокое убеждение), прикинуться дурочкой может только по-настоящему умная женщина. Думайте, что говорите. Даже если он в упор смотрит на ваше декольте.

Теперь о женщинах.

Принято считать, что женщина в первую очередь обращает внимание на толщину вашего кошелька, а также на вашу готовность тратить на нее (женщину) деньги. Этот стереотип давно и прочно владеет умами всех мужчин и аналитиков, и выбить его из сознания очень трудно. Однако, если бы это было так, то... у 99% парочек второе свидание просто не состоялось бы. На практике все немного иначе.

Я вообще считаю, что поговорку «не в деньгах счастье» изобрели жены богатых мужей. Шутка.

Ну ладно, поехали! Что же определили для нас западные ученые (или тибетские знахари совместно с ведущими иностранными специалистами) в этом вопросе?

1. Женщины обращают внимание на то, как вы одеты. И это не всегда цена вещей, заметьте. Здесь и аккуратность,

и то, насколько вы продумали свой наряд перед свиданием с ней, и ваш вкус или отсутствие его, и насколько естественно вы держитесь в том или ином наряде. О, женщина может очень много почерпнуть из того, как вы одеты. Не забывайте об этом.

2. Женщина сразу же обращает внимание на то, как вы относитесь к ней. Да-да, вы думаете, что вы пока к ней никаким боком не относитесь, а она уже делает выводы. И, заметьте, эти выводы не всегда в вашу пользу даже если у вас очень далеко идущие серьезные намерения.

3. Женщина обращает внимание на то, что и как вы говорите. Очевидно, женщина любит не только ушами (еще один стереотип). Более того, женщина и слышит не только ушами. (звучит немного коряво, но править не буду, это и есть суть, разрыв шаблона), (примечание для себя – написать статью, что органы чувств у женщины работают по-другому – слышать глазами, видеть губами, осязать сердцем и т. д. – нужно продумать и разобраться...)

4. Женщина обращает внимание на то, сколько в вас «мужественности». Здесь вообще разобраться невозможно – у каждой свое представление. Для одной – это мускулы, для другой – поворот головы, для третьей – то, что вы «не поднимали руку на женщину», для четвертой – наличие хорошей машины, для пятой – та самая готовность оплатить счет, для шестой – отсутствие мелочности, для седьмой – то, что вы не стали прятать в карман неиспользованный сахар... Хо-

рошо бы, конечно, мужчинам определить, кто перед ним, и чего она ждет. Но... Просто помните о том, что женщины обратят на это внимание в любом случае. Все равно сроду не узнаете, чего же она ждет, так что просто помните, черт возьми.

5. Женщина обращает внимание на то, о чем вы говорите, и что вы имеете в виду (как она это понимает). Не путать с пунктом 3. Это разные вещи. Ну, вы знаете... «Представляешь, он весь вечер рассказывал мне сколько шуб было у его бывшей!». «Представляешь, он целый час говорил о своей работе». «Представляешь, он ни слова не сказал о себе, все про меня и про меня... Это, конечно, приятно, но»...

Одним словом, «представляешь?»...

При этом вы никогда не угадаете, какие выводы она сделала из ваших слов, сколько смысла нашла в самой невинной фразе, какую бездну информации почерпнула «между строк» и какую кучу бессовестного вранья обнаружила в ваших словах о том, что «солнце светит, а небо – голубое».

6. Ну и на почетном, шестом, месте, все-таки тот самый пресловутый кошелек. В самом широком смысле! И это совсем не значит, что она только и ждет, чтобы вы сделали ей подарок, оплатили все ее счета и организовали ремонт в ее квартире за свой счет. Ваш кошелек – для многих женщин – это факт того, что вы состоялись, что вы способны, что вы... Ну, вы поняли, я думаю. Мужчина не обязательно должен быть богатым. Мужчина обязательно не должен быть бед-

ным! Это аксиома!

Катя убрала руки с клавиатуры. Даже как будто «стряхнула» их. Аж пальцы заболели, так строчила! Ай да Катя! Ай да молодец! Блог нашего королевства пополнится еще одной великолепной статьей.

Опубликовать!!!

Глава 3

Овсянка в нужной степени

«Второе, о чем вы никогда, ни при каких обстоятельствах, даже если это ясно, как день, даже если на вас только что вылили кипяток (дай Бог, чтобы этого никогда не случилось), даже если... одним словом – никогда – вы не должны говорить плохо о его маме.

Табу номер один – «ты не мужчина», табу номер два «а вот твоя мама...».

Вы можете подшучивать над собой и своими родителями, вы можете жаловаться на то, что ваша мама чудит или требует невозможного, вы даже можете изменить ему (если уж совсем невтерпеж или, как бывает в некоторых случаях, «сам Бог велел»), но только не трогайте маму...»

«Хорошо говорить, – думала Эвелина, помешивая овсянку, – Я и сама говорю это каждый раз своим „девочкам“, но... Как сдержаться, если раздражает даже то, как она включает чайник?»

Овсянка так и норовила ляпнуться на плиту, но мама не признавала каши в пакетиках, которую и ее сыночек, и сама Эвелина благополучно ели на завтрак до того, как мама приехала к ним. Теперь нужно было изворачиваться

и подавать овсяную кашку не только нужной температуры, но и определенной степени распаренности.

««Ах, девочки, приоткройте вуаль», – говорила Эвелина на своих женских тренингах, – знаете так, не совсем откройте, а чуть-чуть... Я научу вас, как это сделать. Приемов много, каждая выбирает то, что ей по душе.

Тайна должна остаться, но не должна превращаться в глухую стену.

Знаете, как бывает? Кто из нас не говорил с тайной гордостью: ой, я такая транжира! Ой, я такая безалаберная! Ой, я такая собственница! Ничего не могу с собой поделать! А подтекст – ой, посмотрите, какая я крутая! Так вот. Этим приемом нужно пользоваться крайне осторожно.

Он легко просчитывается, и иногда собеседник становится в позу.

Ты голосом обиженной шестнадцатилетней гимназистки с надутыми губками говоришь «ой, я так постарела, у меня уже морщинки...» в расчете на то, что тебе скажут «ну что ты, как можно так говорить, ты очень молодо выглядишь, тебе никогда не дашь твои сорок три...»

А собеседник, который знает, на что ты рассчитывала, произносит что-то вроде «да, это ужасно, годы никого не красят».

И – все...

Ты должна или согласиться (что не входило в твои планы) или возражать (что, тем более, поставит тебя в позицию «за-

щиты»)

Одним словом, будьте осторожны!».

Великовозрастные «девочки» на тренингах обожали такие кейсы.

Инсайты получали только так!

Мало кто из них догадывался, что все эти ситуации были взяты, практически, из жизни их тренера.

Буквально из кухни.

Эвелина выключила кашу и вздохнула с облегчением.

Нет, естественно, ей нечего было бояться. Скандалов не было.

Просто свекровь могла выйти из своей спальни на десять минут раньше, и тогда приготовление овсянки превратилось бы в поток многозначительных воспоминаний о том, как ее муж (царствие небесное!) терпеть не мог молочные каши, но ел их через силу для сохранения семьи и мира в доме, потому что ценил труд близкого человека, в отличие от некоторых...

Тех, которые буквально накануне не дали маме выварить кухонные тряпочки с хозяйственным мылом, предварительно потерев мыло на терке, и предпочли, насквозь химический отбеливатель, который мало того, что может вызвать аллергию у пожилого человека, так еще и стоит кучу денег, которые не сами падают с неба бедному труженику, ее сыночку, который с утра до ночи...

Черт возьми...

Эвелина, не заводи сама себя. Мама еще даже не встала, а ты уже прокрутила в голове ее возможный монолог и даже ответы придумала.

Очнись.

Эвелина даже не успела одернуть себя как следует (а это она умела делать виртуозно, школа многолетней жизни со свекровью плюс образование психолога давали себя знать), как Бэлла Иосифовна появилась в дверях кухни.

Ее халаты, вероятно в прошлом бывшие роскошными, отвечающими статусу жены главного инженера большого, стратегически важного, завода (читай, крутого начальника), всегда выглядели и были слегка «не первой свежести».

Эвелина, которая топталась у плиты в легкой бесстыдной маечке и коротких шортах, на фоне роскоши халата с попугаями выглядела в глазах мамы не просто безобразно, но и, в какой-то степени, даже нахально.

Взгляд мамы сказал больше, чем слова.

Она не произнесла ни звука, но Эвелина просто почувствовала боком, что «а) хватит молодиться, б) тебе ли носить такие шорты, в) в таком виде можно появляться только в спальне с мужем, да и то перед самым сном, г) как можно до такой степени не стесняться окружающих, которые желают тебе только добра.

– Доброе утро, Бэлла Иосифовна.

При всем своем психологическом образовании и вполне мирном характере Эвелина так и не смогла научиться назы-

вать свекровь мамой, и, поскольку Марику (мужу), в целом, было все равно, то она называла свекровь по имени-отчеству.

– Может ты пойдешь умоешься и оденешься, милая? – Бэлла Иосифовна говорила хорошо поставленным басом, при этом модуляции голосом у нее тоже хорошо получались.

Эвелина сама знала в этом толк и всегда удивлялась умению свекрови виртуозно применять то, чему ее, Эвелину, пять лет учили в институте и три – в аспирантуре.

«Да я, вроде, не голая тут стою и вам кашу варю, – промелькнуло в голове у Эвелины, – И Марику нравится, когда я в таком наряде – он любит хватать меня неожиданно за самые разные места, пока дети спят. И мне это тоже нравится. И умылась уже. И зубы почистила, если вам это интересно и необходимо знать...»

Но вслух прозвучало:

– Сейчас уже буду на работу собираться. Вам творог или твердый сыр достать?

– Творог, – излишне категорично ответствовала Бэлла Иосифовна, – Но достать нужно было полчаса назад. Как будто ты не знаешь, что я не ем холодного. Так и ангину недолго получить. Нужно было с вечера достать.

– Если с вечера достать, то он до утра испортился бы... Пришлось бы выбросить, – посмела заметить Эвелина, смиренно открывая холодильник. Лямка майки при этом предательски сползла с плеча. Ну как назло...

– Сделали бы сырники, – произнесла свекровь, усаживаясь во главе стола, – Тебе бы только выбрасывать.

– Угу, – буркнула Эвелина, – Достать творог вечером, дождаться, чтобы он испортился, а потом сделать сырники. Генеральная мысль! Просто образец рационального ведения хозяйства.

– Что? – Бэлла Иосифовна была туговата на правое ухо, и тихонько бурчать можно было без опасения за свое здоровье и нервы. Чем Эвелина иногда и пользовалась, когда становилось уж совсем невтерпеж.

Как профессиональный психолог она хорошо знала, что самое плохое – это давить что-то в себе. Нужно выплеснуть. Хоть потихоньку, в кулачок, но – выплеснуть. А так – вроде и сказала, но и никого не задела.

Марик, если подобные сцены происходили в его присутствии, или ухмылялся в усы или «делал больше глаза», но так, чтобы Эвелина видела его «глаза» (и чтобы ей стало стыдно за такое неблаговидное поведение, буквально, издевательство над пожилым человеком), а мама – нет.

– Ты не вздумай Марку давать этот творог. Он же просто ледяной! – Бэлла Иосифовна, к счастью, не считала нужным повторять вопросы, ответы на которые она не расслышала. Много чести!, – И детям тоже! Не вздумай!

«Хорошо хоть вспомнила про детей тоже, хотя бы в таком контексте, – подумала Эвелина, – А то, похоже, кроме Марика, тут вообще нет никого, достойного внимания ее вели-

чества. Я – объект для воспитания, а дети – так, бесплатное приложение».

– Марик еще спит, а дети уже разбежались. У них занятия в восемь часов начинаются, – ехидненько сказала Эвелина, вкладывая в свои слова много-много глубокого смысла.

Просто очень много.

Дети утречком встали, поели сосисок с кетчупом, как они любят (а не вашу жалкую полезную овсянку и несчастный творожок) и ускакали в школу и в колледж. Пока вы, бабушка, изволили нежиться в постели, а ваш сыночек (после утреннего секса со мной, вашей отвратительной невесткой) и до сих пор спит.

А, может, просто не хочет сталкиваться на кухне с вами, мамочка. Вернее, не лично с вами, а с нами обеими, когда мы тут все вместе. Его на всех не хватает. Лучше трусливо пересидеть в спальне, пока жена выпроводит детей, обаяет маму, всех накормит, соберется на работу и отчалит.

Марик берег свои нервные клетки, поэтому предпочитал держаться в стороне от ситуаций, в которых их нужно было тратить. Они же не восстанавливаются! А Марик очень не любил терять то, чем он обладал, не прилагая к этому больших усилий.

Достойная позиция!

Еще большее, наверное, было бы терять то, для приобретения чего ты приложил усилия. Но Эвелина предполагала, что Марику это было неведомо.

Он вообще не любил прилагать усилия.

С приходом мамы это стало труднее, но пока что ему удалось оставаться в сторонке. А то, что иногда Эвелине нужно было сделать «большие глаза», не сильно его напрягало.

В крайнем случае можно было сидеть в спальне, пока все не разойдутся. Что он и делал с той или иной степенью удовольствия.

– Вам к творогу сметану или варенье? – спросила Эвелина, делая себе бутерброд.

– А что твой муж будет есть на завтрак? – свекрови явно не нравилось то, что Эвелина не давала вывести себя из себя.

– Да полно еды, – легкомысленно сказала Эвелина, жуя бутерброд, – каша, творог, сыр, сосиски. Он разберется. Я – на балкончик.

Нерадивая жена подхватила зажигалку с сигаретами одной рукой, чашку с кофе – другой и выскользнула на балкон под осуждающим взглядом свекрови. Это была одна из ее побед, одержанная несколько лет назад.

– Может ты не будешь курить при маме? – осторожно спросил Марик тогда, выслушав мамину получасовую лекцию о вреде курения и о влиянии табачного дыма на здоровье детей, окружающих родственников, пожилых людей и прочих страдальцев, которые вынуждены жить под одной крышей с такой почти наркоманкой.

Сам он при маме курить просто не мог. До сорока лет находил предлог, чтобы выйти из дома и перекурить в ближай-

шей подворотне.

– Давай будем вместе выходить, если хочешь, – предложил он Эвелине, увидев недоумение на ее лице от его вопроса.

Эвелина знала, что есть в жизни такие ситуации, когда нужно проявить твердость. Когда, если уступишь в самом начале, то потом уже не повернешь вспять. Когда собеседник (или противник), почуяв слабину, потом уже не даст жить без упреков и претензий. Лучше уж сразу поставить точку в некоторых вопросах.

– Нет, дорогой, – сказала Эвелина, – Мы оба курим и оба знаем, что это плохо. И мы не бросили это ради себя и своих детей. Значит это нам нужно. Тем более, я не буду прятаться от твоей мамы и делать вид, что мне стыдно выкурить сигарету у себя на балконе с чашкой кофе. Я не буду, как нашкодившая школьница, бегать и искать, где бы мне покурить. Даже из уважения к твоей маме. Я готова варить овсянку так, как любит мама. Я готова класть в чай одну ложку сахара вместо трех, как я люблю. Я готова собирать косточки для всех окрестных собак, потому что так любит делать твоя мама и считает это правильным. Даже держать в холодильнике эти косточки неделями я готова. Как видишь, я готова на многое, но...

– Я понимаю тебя, – прошептал Марик, поглаживая ее по спине. Они лежали в постели и проявлять твердость ей, конечно, было проще, чем ему, – но все-таки...

– Никаких «все-таки», – прошептала Эвелина, – И вооб-

ще... Ты хочешь поговорить о маме и моем курении или...?

Марик промычал что-то невнятное, зарываясь носом в ее волосы...

С тех пор Эвелина пользовалась этой своей победой, одержанной «в постели».

И смех, и грех, как говорится.

Она не делала это демонстративно, не давала понять, что «я буду делать что хочу...», у нее хватало ума пользоваться этим аккуратно и осторожно, но «не уступая ни пяди своей территории, отвоеванной в честном бою».

Ну... скажем так... почти честном...

Хотя, какое тут может быть «почти», если ты лежишь в собственной постели с собственным мужем и обсуждаешь ваши собственные плохие привычки?

Эвелина пристроилась на балконе в уголке между двумя фикусами, которые свекровь в свое время привезла с собой, и теперь, с наступлением лета, выставляла их «на свежий воздух», тем самым превращая балкон в место, где негде было развернуться.

В глубине души Эвелина подозревала, что делалось это нарочно, чтобы ей негде было курить, но... ничего... она находила местечко и наслаждалась жизнью с чашкой кофе и сигаретой, скрючившись в три погибели, но ощущая себя «изрядно пощипанной, но не побежденной».

Зажигалка не работала.

«Вот так всегда, – подумала Эвелина, – только решишь

провести несколько минут лично для себя, как что-то тебе обязательно помешает. В самый неподходящий момент.»

Она пошарила рукой между фикусами и, слава Всевышнему, нащупала там спички. Фух, не нужно вылезать из своего укромного уголка и дефилировать мимо и без того раздраженной свекрови.

– Солнышко мое, ты где? – услышала Эвелина голос Марика, который заходил на кухню в точности как мама – вальяжно и не торопясь.

– Я уже согрела тебе творожок, – защebetала Бэлла Иосифовна, окружая Марика любовью, заботой и ограждая от всех налетевших и налетающих бед и невзгод в виде еды из холодильника или непутевой жены, которая осмелилась выйти покурить.

Эвелина легонько поскребла по окну, которое выходило на балкон, давая знать Марику, что она здесь, между маминскими фикусами, «выходи, мол, ко мне», когда мама вдоволь о тебе позаботится.

Марик украдкой кивнул в сторону окна и капризно проныл:

– Ну ма-а-ма...

– Ничего-ничего, я разбавила творог кипяточком, – защebetала Бэлла Иосифовна, – теперь его можно кушать. Я же боюсь за твое горло! Помнишь, какая ангина у тебя была, когда ты учился на третьем курсе? Не все об этом помнят и принимают в расчет...

«Кушай-кушай эту бурду, если не можешь сказать мамочке прямо, что предпочитаешь сосиски на завтрак, – Эвелина потирала руки на балконе, но как-то без особой радости.

Все-таки муж мог бы как-то поактивнее себя вести.

– Это же не навсегда, – шептал он Эвелине по вечерам, когда все расходились по своим комнатам.

«Только это и утешает, – думала Эвелина, – Да, посиди еще немного на пороховой бочке, потом тебе дадут передышку, а потом снова сядешь...»

Бэлла Иосифовна курсировала между Киевом, где жили Эвелина с Мариком, Одессой, где жили Игорь (брат Марика) с женой Леной, и Израилем, где жил ее брат Гарик с семьей.

Гарику доставалось меньше всех.

Дорога в Израиль стоила недешево, да и проявить себя в полной красе в чужой стране с чужими порядками Бэлле Иосифовне не всегда удавалось.

Кроме того, там была жена Гарика, Софа Михайловна, которая сама знала, как и что нужно делать, поэтому, выбирая из двух добр (ну, не зол же!) – меньшее, шестидесятилетний Гарик принял сторону жены и жил по порядкам, заведенным Софой.

Приезды Бэлочки считались неизбежным стихийным бедствием и происходили раз в год-полтора, что еще можно было бы пережить.

А вот Эвелина с Ленкой хлебали полной ложкой.

Обе квартиры – и в Одессе, и в Киеве – принадлежали

Бэлле Иосифовне. Так что она имела полное право чувствовать себя хозяйкой не только квадратных метров, но и своих сыновей, а также их жен и детей.

Покойный муж Бэллы Иосифовны был, действительно, немалым начальником и, когда его «перевели» из Киева в Одессу на еще более высокую должность, ему удалось оставить «за собой» квартиру в Киеве, где в это время Марик уже оканчивал университет, подавал большие надежды и активно встречался с Эвелиной.

Игорь, который в те годы был еще школьником, поехал в Одессу с родителями, где, благодаря высокой должности папы, а также стараниям деловой Бэллы Иосифовны, семья получила еще одну квартиру, куда через несколько лет младший сын привел жену.

«Да, – думала Эвелина, сидя на балконе, – квартирный вопрос нас-таки испортил. Как ни крути, а именно Бэлла Иосифовна с мужем обеспечили сыночков жилплощадью. Несмотря на их незаурядные умы, таланты и скрипки в детстве, ни Марик, ни Игорь сами бы себе квартиры не купили. Мы с Ленкой – подружки по несчастью – тоже не из олигархических кланов, увы...»

После смерти мужа Бэлла Иосифовна завела в своей жизни следующий порядок: три-четыре месяца в Киеве, три-четыре месяца в Одессе.

Чтобы не расслаблялись и не завтракали сосисками, как говорится.

В первые «наезды» у Эвелины было большое желание подбить Марика и смыться на квартиру.

Пусть на съемной, но – сами по себе.

Но, как думающий человек, к тому же имеющий совесть и некоторую долю здравого смысла, она понимала: во-первых, Бэлла Иосифовна только недавно потеряла мужа, за которым она, буквально, прожила жизнь как за каменной стеной, и было бы полным свинством оставлять ее одну, когда она приезжала их навестить из самых добрых побуждений и с самыми благородными порывами.

Во-вторых, на съемную квартиру, толком, не было денег.

Было бы глупо перебиваться с копейки на копейку, только потому, что мама приехала.

Тем более, мама приезжала повидать детей, позаботиться о Марике и повоспитывать Эвелину.

Было бы необыкновенным хамством лишить ее всего этого, демонстративно уйдя на съемную квартиру.

Ну и в-третьих, Эвелина понимала, что это, действительно, не навсегда, а на три-четыре месяца, которые нужно было как-то пережить. Потом бывала передышка. Тоже на три-четыре месяца.

– Слушай, ну ты же психолог... Ты же тренинги проводишь о том, как строить отношения и саморазвиваться. Вот что ты посоветуешь? – спрашивала Ленка Эвелину по телефону в те редкие месяцы счастья, когда Бэлла Иосифовна гостила у Гарика.

– Теоретически могу посоветовать все что угодно, – отвечала Эвелина, – Любой ответ на любой вопрос. С железной аргументацией и стопудовым обоснованием. А практически... Та же фигня, что и у тебя...

Пока что они с Ленкой были, как бы, в одной упряжке.

Эвелине в голову закрадывалась подленькая мыслишка о том, что можно было бы пару раз устроить Бэллочке веселую жизнь здесь, чтобы сто раз подумала в следующий раз, ехать ли в Киев.

В конце концов, маму никто не выгонял бы. Сама бы не захотела... Арсенал теоретических средств Эвелины был достаточно внушительным.

Но... По большому счету, Бэлла Иосифовна не делала ничего ужасного. В конце концов, она имела право на свое отношение к сыновьям и невесткам. И право слегка портить им жизнь – тоже имела.

Как минимум, считала, что имеет на это право.

И сорокалетняя Эвелина, со степенью кандидата наук и тридцатилетняя Ленка без степени и даже без высшего образования, обе имели совесть и терпение, которые не позволяли им ответить маме «раз и навсегда».

Здоровье у Бэллы Иосифовны было, благодаря ее стараниям, вполне приличным, что позволяло ей совершать поездки несколько раз в год. Обе невестки молчаливо подспудно подумывали о том времени (которое было не за горами, учитывая возраст Бэллы Иосифовны), когда мама уже не сможет

так резво передвигаться и «осядет» или в Киеве или в Одессе.

Эвелина и Ленка не говорили об этом ни с Бэллой, ни друг с другом.

Но третий месяц маминого пребывания в Киеве подходил к концу, а ни Эвелина, ни Марик так и не знали, сколько еще времени мама будет «счастливить» их своим присутствием.

– Ну все, я убегаю, – в прихожей Эвелина потянулась поцеловать Марика в щечку, – ты сегодня будешь поздно?

В последнее время он стал как-то чаще задерживаться, что наводило на мысль...

И в этом тоже Эвелина его понимала: работа позволяла и ей многие вещи делать «из дома», но в период присутствия мамы Эвелина предпочитала больше времени проводить в офисе.

– Береги себя, солнышко, – шепнул ей Марик, целуя на прощание.

– Марик, чай уже остыл, – слышался из кухни голос Бэллы Иосифовны.

– Иду, мам, – Марик торопливо подмигнул жене и поспешил на кухню.

Глава 4

Если он ушел к другой

Сумерки медленно уступали место рассвету.

Сначала небо стало темно-серым, потом просто серым, потом сероватым с каким-то серебряным отливом.

Красиво и таинственно...

«Вот, оказывается, как это происходит, – подумала Катя, вставая из-за письменного стола, – вот как бывает...»

Осознать то, что происходило, было трудно. И дело было не в раннем рассвете и не в поздних сумерках. Когда муж не приходит домой под утро – это тоже опыт. И это нужно как-то пережить.

Когда советуешь что-то другим, аргументы и мотивы находят сами собой. Тем более, если ты – в теме. А она... Ох как она была в теме!

Не то слово!

Только вчера загрузила в свой блог великолепную статью «Как удержать мужчину».

Перед этим было «Одиннадцать способов сделать так, чтобы муж был от тебя без ума», «Все нюансы гармоничных отношений» и «Что делать, если он ушел к другой».

И каждая из статей набирала сотни лайков и вызывала бу-

рю обсуждений! Это ли не успех?

И вот... Получай, дорогая.

Воспользуйся личным опытом, так сказать. примени все свои техники, способы, тактики и стратегии. Добро пожаловать в мир свободных женщин! Не ты ли сама учила не называть себя «брошенными», «оставленными» или «одинокими»?

Отныне, ты – свободна!

Наводить порядок в чужой жизни... Как же это легко и интересно! И все получается!

Теперь попробуй это сделать в своей! Ты же знаешь столько способов!

Проведи дефрагментацию своей жизни!

Ой, нет, что-то не то...

Наверное, время должно пройти. Где-то это было уже. Ага, вот, «Западня» Эмиля Золя... Там тоже Жервеза просыпается утром, а муж не пришел. Потом она обнаруживает, что и денег, которые хранились, кажется в сахарнице, тоже нет.

Или не в сахарнице?

Господи, какая ерунда лезет в голову.

Катя машинально встала и подошла к шкафу. Там, за платьями, которые были аккуратно сложены в стопочку (а не висели на плечиках) по причине их временной неносибельности, лежал плотный конверт с двумя тысячами долларов – на всякий случай.

Эти две тысячи она накопила за годы своего «девичества», принесла в семью, и потом они с Никитой несколько лет все пытались пополнить эту копилку. Так и случилось иногда. После всех трат оставалось немного денег перед зарплатами, они покупали 50—100 долларов, докладывали в конверт, радовались и устраивали романтический ужин, поздравляя друг друга с тем, какие они экономные.

Вот дурачье...

К концу следующего месяца обязательно на что-то не хватало и эти сэкономленные 50—100 долларов конвертировались опять в гривны и спускались до следующего «припад-ка» рачительности.

Хорошо было смеяться над собой, радуясь в глубине души тому, что «несгораемая сумма» остается на месте. «Влазить» в две тысячи, отложенные на всякий случай, Катя не решалась.

Никита время от времени заговаривал о какой-нибудь покупке, но как-то вяло, без энтузиазма. Как теперь стало понятно Кате – проверял ее готовность «отдать все» любимому.

Уже месяц Никита стал другим. Холоднее, безразличнее, несимпатичнее. На ее вопросы «что с тобой?», он отвечал «да все нормально, не бери в голову, не обращай внимания».

Раньше он очень любил, когда она «обращала на него внимание», спрашивая «почему ты грустный?», «почему бровки нахмурились?». Это была такая игра. Если Катя не задавала

этих сюси-пуси вопросов, Никита спрашивал шутя – а что, ты не видишь, что я сегодня грустный, чего не вопрошаешь?

И она начинала опять. В конце концов, это никого не касалось, что они лепетали друг другу – пусть даже полную ерунду...

А тут – на все вопросы был один ответ «все нормально».

Примерно тогда же Никита вдруг сказал:

– Слушай, одолжи тысячу долларов, а?

Звучало это довольно странно, так как бюджет, в общем и целом, у них был общим. Катя поняла, что речь идет ее о «несгораемой сумме», но на всякий случай переспросила:

– Ты знаешь, где деньги лежат. Какое может быть «одолжи»? А зачем тебе?

– Давай я пока не буду тебе этого рассказывать, котенок? – Никита, несмотря на грустное настроение, вздохнул с явным облегчением, – Потом сама все узнаешь...

И как-то так это было сказано, что она поняла: готовит сюрприз для них двоих. Не хочет колоться раньше времени. Какой милый!

В глубине души немножко заерзала мысль о том, что мог бы и сказать, все-таки сумма не малая, тем более, если что-то для двоих, то можно было бы и посоветоваться. Тем более, что денег у него на этот сюрприз – нет. И приходится вроде как «просить» у нее.

Потом была обалденная «нич кохання». Было так хорошо, что даже мысль не закрадывалась в голову о том, что тут за-

мешаны какие-то доллары.

Она даже не смотрела потом – взял или нет.

А теперь равнодушно открыла конверт.

Там одиноко лежали десять сотенных купюр.

Одолжила, дорогая? Молодец! И ведь была у него после этого зарплата. И была мысль подсказать ему – вот сейчас, пока хоть какие-то деньги есть, положи туда, в конвертик, чтобы не растратить все до копейки. И куда она делась та мысль?

Ах, да, в семейной жизни нужно соблюдать приличия... Дособлюдалась?

Катя машинально заглянула в шкаф и в ванную комнату. Просто классика! Нет бритвы, лосьона для бритья, зубной щетки, летней одежды. В шкафу болталось несколько пустых вешалок, а в ванной на полочке просто зияло место, где стоял его гель для душа.

Ну что ж... Часы показывать шесть.

Катя набрала его номер и сбросила сразу же. Нет, это не то...

Опоздаю на работу? Зачем? Почему я об этом думаю? До работы еще четыре часа, я все успею...

Или отпроситься на сегодня?

А зачем?

И что, в конце концов, делать? Что надеть? Когда ему звонить? А если кто-нибудь что-нибудь спросит? Может, это розыгрыш? А если все заметят?

Что заметят, Катя? Очнись!

Он металась по квартире. Метаться особо было негде. Квартира была маленькая, съемная. Платили пополам. А теперь?

Где же он? Может, это шутка?

«Не обманывай сама себя, – грубо оборвала Катя свои мысли, – ты знала, чувствовала, что к этому идет... И твое утро совсем не похоже на утро Жервезы из «Западни». В книгах вообще все не так. Более художественно, что ли... А тут – просто пустой шкаф, минус тысяча долларов, ощущение брошенности, и опять поиски ответа на вопрос «В чем же я виновата? Почему он так со мной?».

Так, спокойно. Для начала нужно просто убедиться, что все именно так, как я думаю. Если запах чужих духов в машине, отсутствие близости последние две недели, отворачивание от еды «я не голоден» и отсутствие по вечерам тебя еще не убедили ни в чем, то сделай еще один звонок, Катя.

Она уже более спокойно набрала его номер. Пока шли длинные гудки, успела подумать – а что лучше? Чтобы просто ушел, потому что разлюбил? Или, чтобы ушел к другой, потому что полюбил ту, другую? Или есть еще варианты?

Телефон не отвечал. «Неудобно как-то, – подумала Катя, – шесть утра, а я трезвоню...»

О чем ты, милая? Кому должно быть неудобно?

И вдруг, как временное спасение, пришла мысль: а вдруг что-то случилось? Может, попал в аварию? Может, плохо

стало на улице? Может, такой аврал на работе, что не может и подойти к телефону? Может...?

Загляни в шкаф, дорогая...

ОК, а может это срочная командировка? Вот никак не мог мне сообщить, что должен уехать? Собрал наспех все вещи и сейчас еще летит в самолете?

Очнись, милая. Он не ездит в командировки. За годы совместной жизни, пора бы это знать.

И, тем не менее, зацепка «что-то случилось» продолжала маячить на подсознании. Ну, наверное, бывает же так – человек взял зачем-то из дома бритву, всю свою одежду и обувь, ноутбук и фотоаппарат (как она разглядела только что), гель для душа и крем для бриться, чемодан, и...

И что? Пошел погулять, Катя?

Телефон не отвечал.

Она продолжала набирать, и где-то на пятый или шестой звонок услышала «сброс». В следующий раз телефон был уже отключен.

Все.

«Может его пытаются где-нибудь в лесу? – подумала Катя и с ужасом поняла, что, наверное, для нее это было бы лучше, чем уход к другой женщине.

Какой кошмар!

Совсем недавно, на рынке она была свидетельницей разговора между пожилой покупательницей и такой же пожилой продавщицей. Видно, они были знакомы раньше. Наверное,

такое базарно-шапочное знакомство.

Катя выбирала персики на соседнем прилавке и услышала, как продавщица говорила:

– А меня муж бросил... Убила бы...

А пожилая покупательница в ответ сказала:

– А мой бы пусть лучше бросил меня... Лишь бы жив был...

Тогда Катя не могла представить ни той, ни другой ситуации. Сейчас одну из них уже могла представить... И все-таки, что лучше – чтобы умер или бросил?

Господи, какой ужас лезет в голову!

Ищи позитив, Катя!

Во-первых, деньги не все забрал, а только половину. Во-вторых, вы и женаты-то не были, все только собирались. В-третьих, теперь ты понимаешь, что его нежелание заводить детей – это было правильно... Это было честно с его стороны...

Какой же он честный, черт возьми...?

Как там сказал диктатор моды Александр Васильев? Когда в ресторане дизайн доминирует над кухней? Как дальше?

Не помню... Короче, это уже и не ресторан...

Катя опять подошла к компьютеру. Входящие и оправленные сообщения... Отравленные сообщения... Какая удивительная игра слов! Всего лишь одна буква!

Отравленные. Почему она не стирала его сообщения? Зачем?

В телефоне то же самое...

Полгода назад. Сообщение с работы. «Котенок, я уже бегу. Купить что-нибудь?» Ну что в этом такого? Просто, выходя из офиса написал... Котенок... Заботится... Хочет купить что-то вкусненькое к ужину...

«В Японии начался сезон красных кленов» И картинка, поражающая своей японской красотой и изысканностью. Поехали в Японию, котенок?

«А задумывалась ли ты когда-нибудь, любимая, что пробел – это тоже знак?»

Любимая...

Вот он, пробел... Знак...

«Пока всякие белые вороны готовятся к поступлению в аспирантуру, моя любимая девочка пойдет на дискотеку... Я купил два билета на завтра. Пойдем?»

Стая белых ворон улетела на Север.

Я схожу с ума?

«В такую жару по пятницам мы будем пить мохито... Жду тебя в Ридженс Пабе сегодня в 19.28. Тебе побольше льда?»

Нет, мне поменьше льда...

Мне не нужен лед... Совсем... Мне побольше мяты...

Никита, где ты?

«Я нашел в „бардачке“ одноразовые ложки. Это ты положила? Экономная моя?»

Я хотела сохранить воспоминания... Мы так хорошо жарили сосиски на костре. И неважно, что все сгорело...

«Котенок, мы напишем роман „Воспоминания одноразовой ложки“. Это будет короткий роман, потому что ложка была, увы, – одноразовой...»

Короткий одноразовый роман... Как страшно звучит...

Катя, собирайся на работу... Как? Зачем? Он же ушел!

Катя!!!

«Ты теперь будешь рыдать при каждом удобном случае?».

Она расплакалась из-за какого-то пустяка. Никита ее утешал. Слезы вытирал. Какой удобный случай, любимый? Я же просто не могу...

Сейчас слез не было. Даже странно.

Не было совсем. И это было самое ужасное. Слез не было.

– Какая-то неправильная любовь, – сказала она после просмотра какого-то фильма.

Какая-то любовь... Какой-то фильм... Ах, как скучно это звучит...

«Жизнь слишком коротка для неправильной любви», – глубокомысленно заметил Никита.

О, да, любимый...

Кирха королевы Луизы. Поцелуй святого Максимилиана... Как красиво и таинственно... Наши путешествия...

Катя, ты сходишь с ума... Остановись...

Она подошла к окну, увидела верхушки деревьев и почувствовала, как начала увядать с каждой минутой.

Физически почувствовала...

Глава 5

Моя невыносимая Эстер

– Девочки, иногда проблема состоит не в том, что человек разбирается или не разбирается в каком-то вопросе, а в том, что он других убедил в том, что он – эксперт. Что он на этом собаку съел – если доктор нам не врет... Понимаете? Что он может все разложить по полочкам. Даже не сомневайтесь!

И тогда уже вопрос стоит по-другому: никому и в голову не приходит, что он – и близко не эксперт. Ему верят...

Несмотря на рост почти «метр девяносто» и вполне модельную внешность, Ольга Николаевна смотрела на своих сотрудников не свысока и не сверху, а – на равных. Быть тренером тренеров, учить того, кто сам учит – это был высший пилотаж, к которому она стремилась всю свою не очень долгую, но очень насыщенную бизнес-жизнь. В отличие от «не-бизнес-жизни», которая была, увы, довольно долгой и не слишком насыщенной и во многом сводилась к ненавязчивому участию в жизни сына, который собирался жениться и мужчины, который во многих отношениях «не дотягивал», но и, нужно признать, не мешал.

В индустрии, так называемых, «женских» тренингов, конкуренция была очень высокой. И был велик соблазн «съе-

хать» на «купите новое белье, и будет вам счастье». Тем более, что аргументов в «пользу белья» накопилось достаточно. Несмотря на все глубокие мысли о внутреннем содержании женщины.

Но... Ольга Николаевна точно знала, что «съехать» на стандарт никогда не поздно. Также как нужно быть хорошим человеком, а сволочью стать всегда успеешь...

– Знаете, есть такой очень выгодный имидж: быть вечно бедным, больным и несчастным. Это, в некоторых случаях, действительно, просто выгодно. И привычно. Дай такому человеку богатство, здоровье и счастье – он откажется. Вы же лишаете его самого главного: возможности пожаловаться тому, кто рядом, «богатому, счастливому и здоровому».

Хотя последний – не богаче, не счастливее и не здоровее того, первого.

Ну вы понимаете.

И вот они идут по жизни, что называется, «при прочих равных условиях», у одного – все зашибись, а у другого – «ну коне-е-ечно...»

Ольга любила такие аргументы. Сама она четко относилась к первым, у которых «все зашибись» несмотря ни на что...

Во многих случаях это изрядно портило жизнь.

Но она ничего не могла с собой поделать. Увы... Сколько ни рассказывай «девочкам», которые ищут счастье, о том, что слабость – это оружие женщины, о том, что иногда про-

сто необходимо быть слабенькой, глупенькой и нежной, если у тебя на лбу написано «я не сдамся», то... ничего с этим не сделаешь.

То есть, теоретически, можно было об этом сказать.

Практически... Как стереть то, что написано у тебя на лбу?

Ольга понимала, что к ней на занятия тянутся именно такие – «больные, несчастные и бедные». Рядом с ней они могли себе это позволить. И изменить это не представлялось возможным...

– Энергетический мусор нужно тоже сортировать, – говорила Ольга, – Это вам не просто отделить пищевые отходы от прочих отходов. Сложить в два разных пакета. Здесь все сложнее. Энергетический мусор тоже остается на планете...

Своим приходом в этот мир вы изменили его. Целый мир! Представляете? Ничего не проходит бесследно. Это не просто громкие слова. Ваше место пустовало, и вы его заполнили. Представляете?

Ольга произносила слово «представляете?» так, что вся группа действительно – все, как один – начинали чувствовать себя такими, знаете, «изменителями» мира. Она наталкивала на мысль – а ведь, действительно, мир был бы другим без меня!

И в этом не было ни грамма лжи. Это была реальность! Мир, на который она открывала глаза.

Это вам не «новое белье», которое обязательно нужно ку-

пить, прежде чем отправляться на поиски новых приключений на свою голову или другое место.

Хотя... Такого рода советы тоже были в ее практике. И это не всегда были советы из разряда – что-нибудь сказать. Дело в том, что пресловутый индивидуальный подход действительно работал бы, если бы его не обещали на каждом шагу все, кому не лень. Увы...

Некоторым, особо запущенным дамам (запущенным в разных смыслах) просто необходимо было некое обновление, и начать можно было именно с симпатичного комплектика с кружавчиками. Такого, знаете ли, не из разряда «мне нужен новый бюстгальтер», а из серии «это мой такой приятный каприз-сюрприз». Захотела и купила! И пусть сегодня я только сама вижу это воздушное великолепие, но... Имея такую красоту, я даже чувствовать себя начинаю по-другому!

А потом... потратить деньги на то, что не является предметом первой необходимости – для многих было уже большим шагом вперед.

И мужчины подтягиваются сами собой, между прочим...

В этом месте Ольга всегда делала оговорку: на самом деле ничего в жизни не происходит само собой. Просто... советы типа «купите себе новый автомобиль» или «махните на Гоа» – были не для всех.

Чего уж греха таить?

А дорогое белье – это то, что, в принципе, могли себе поз-

волить, практически, все ученицы.

Но не все позволяли.

И честно говоря, не со всеми оно срабатывало. Но, тем не менее, были и такие, на которых действовало!

Менялась походка.

Менялось выражение лица.

Менялся взгляд.

Менялось отношение к другим деталям туалета.

Менялась осанка.

Менялся человек! И это было видно со стороны. И мужчинам тоже.

Поэтому, Ольга не прокладывала прямой мостик между новым бельем и новым мужчиной в жизни очередной сорокалетней «девочки», но объясняла, что связь-таки есть.

Она говорила «попробуйте!», и некоторым помогало.

Когда Ольга только начинала разрабатывать свои авторские тренинги, она следовала правилу «не давать рецептов», так как рецепты на пути к счастью – это полное вранье.

А что же давать?

Выбор! Его величество выбор, черт возьми!

Я дам вам тридцать способов, как можно утешить себя в случае неудачи. И когда вы примерите на себя все тридцать, возможно, ни один вам не подойдет. Но не спешите с выводами. Тридцать первый способ возникнет там, где вы его меньше всего ждете, но распознать его можно только зная эти тридцать!

Вот цель любого тренинга, если это не бухгалтерский учет, а путь к счастью.

В свое время Ольга поняла для себя одну очень важную вещь – против своей сути не попрешь. Звучало грубо и примитивно, но настолько верно, что это был чуть ли не главный инсайт ее жизни.

Не нужно себя ломать! Не нужно называть развитием издевательство над собой в виде выхода из зоны комфорта. Заставляя себя делать что-то, ты укорачиваешь себе жизнь. Если обстоятельства заставляют тебя, то это еще хуже. Ты начинаешь убеждать себя, что так нужно, так принято, так положено, и... Теряешь себя полностью.

А вот найдешь ли потом? Это еще большой вопрос...

Ольга смолоду рвалась наверх. Вперед и вверх, а там...

Она понимала, что нужно зарабатывать деньги. Для того, чтобы зарабатывать деньги нужно быть начальником. Как ни крути, эта система работала, работает и, наверное, еще долго будет работать... То есть, нужно было продвигаться по иерархической лестнице. К сожалению, в этой системе нельзя было заработать деньги просто хорошо (или даже отлично) выполняя свою работу.

Для того, чтобы двигаться вверх, нужно было делать карьеру. Делать карьеру (по-нашему) – значит управлять!

Управлять людьми, отделами, процессами и так далее.

И никого не волнует, что менеджмент – это отдельная специальность. Такая же, как врач, учитель, инженер или мастер

по маникюру.

Кто такой менеджер, черт возьми?

Ты – менеджер по каким вопросам?

Да без вопросов, я – менеджер. Я умею управлять! Понятно?

Было не понятно.

Более того...

Однажды Ольга сделала опечатку и вместо «более того» написала «большее того». Все посмеялись. Но опечатка была «прямо в точку».

Еще большее для нее было понимать, что она – не менеджер. В душе. По сути.

Да, она могла управлять людьми и проектами. Но только она сама знала, чего ей это стоило. Некоторым людям трудно было признать и понять, что эта самодостаточная эффективная женщина, долгое время проработавшая директором по маркетингу и продажам, управляя отделом в тридцать человек и бюджетом с шестью нулями в долларах, в один далеко не прекрасный момент, поняла, что перед ней осталось только два пути – в могилу или психушку, если все оставить так, как есть.

Да, она могла управлять и руководить. Но это вынимало из нее столько сил, что вечерами ей казалось, что она – не просто выжатый лимон, а лимон, прокрученный в мясорубке. А фарш, как известно, не провернешь обратно...

А еще она поняла... И ее руководители, видно, тоже это

поняли... Что на нее не действуют обычные рычаги – деньги, карьера, масштаб задачи... А как же ею в таком случае управлять?

Какое-то время она держалась на «синдроме отличницы». Все, за что бралась, все делала хорошо. И опять же – только она сама знала, чего ей это стоило.

Но иначе не могла. Не могла – и все!

Это было прекрасно для тех, кто был вокруг. Но – ужасно для нее самой.

И она ушла. На улицу. В никуда. Растворилась в пространстве. Встряхнулась. Поставила на место мозги. Добавила гармонии в свой внутренний мир. Пообещала себе больше никогда не заставлять себя делать что-то. Ни-ко-гда!

Купила новое белье, от которого хотелось летать. Завела новый роман, от которого хотелось... Ну, допустим, тоже как бы летать... И в таком «летающем» состоянии начала создавать свой первый курс «для души» – «Строим отношения, играючи». Конечно, не обошлось без всяких «конъюнктурных» штук, но, в целом, курс был принят «на ура».

Это было ново.

Это было душевно.

Это было искренне.

На самом деле, это был клондайк – ровно до тех пор, пока туда не ринулись все подряд. Да и понятно – учить было гораздо проще, чем следовать тому, чему учишь. Инфопродукты на всякие «женские» и «семейные» темы росли, как

грибы.

Тут-то и пригодился опыт работы в продажах. Искренность и душевность тоже нужно было дозировать.

Когда Ольга познакомилась с Эстер Лоу, они очень понравились друг другу. Они оказались на одной волне. Француженка, понимающая славянскую душу и украинка с французским шармом. Эстер была уверена, что у Ольги в происхождении просто должно быть что-то французское.

– Вряд ли, – улыбалась Ольга, которой было очень приятно это слышать.

– Может, во времена Наполеона? – шутливо спрашивала Эстер.

– В лучшем случае мы знаем имена своих прабабушек, – отвечала Ольга, – А это было уже после Наполеона... Поэтому... Истории сие неизвестно. И это именно в лучшем случае.

– Невероятно! – вскрикивала Эстер. Она очень любила вскрикивать, как всякая истинная француженка, – Наверное, от этого все ваши беды и происходят?

– Не только от этого, – говорила Ольга, – Но... возможно, как один из факторов...

– Как будет Ольга по-французски? – перескакивала с темы на тему Эстер. Она умела казаться легкомысленной там, где это было уместно, и это была, практически, главная часть ее профессионализма.

– Только Ольга! Скажи спасибо, что не Ольга Николаев-

на, – они хохотали хором. Эстер в первые же минуты знакомства начинала называть всех на французский манер – Ирэн, Анет, Мари и так далее...

– Тогда ты будешь Ольга – с ударением на последнем слоге, да?

– Хорошо, на это я согласна.

– А что такое Соловей? – Фамилия Ольги Николаевны была именно такой, птичьей.

– Птица такая. Которая поет. По своему усмотрению. Для всех.

– О-о-о, – воскликнула Эстер, – Это прекрасно! Росиньоль!

– Хорошо, – Ольге Николаевне ничего не оставалось делать, как только улыбаться в ответ, – Пусть будет Росиньоль...

– А где те туфли, в которых ты была вчера? – неожиданно спросила Эстер.

– О, я в них так устала, – ответила Ольга, все больше удивляясь, – А почему ты спрашиваешь?

– Не обувай их больше! – безапелляционным тоном приказала Эстер.

– Почему? – возмутилась Ольга, – Что, плохие туфли?

Внешнему изяществу Эстер, конечно, можно было позавидовать, ее туфли на двенадцатисантиметровых шпильках в любую погоду производили впечатление, но в случае с Ольгой это замечание звучало несколько вызывающе. Ольга Ни-

колаевна всегда выглядела стильно и изысканно.

– Дело не в том, что они плохие, – сказала Эстер серьезно, понимая, что нужно объяснить. – Они плохие для тебя. Не потому, что тебе в них неудобно, и не потому, что они могут не подходить к остальной одежде. Все это – полная ерунда. Знаешь, почему они плохие для тебя? А потому что у тебя на лице написано, что тебе в них неудобно! Запомни: ты можешь ходить в неудобных туфлях и терпеть ровно до тех пор, пока это не видно на твоём лице. До тех пор, пока этого не видно, – это касается только тебя. И ты сама решаешь, сколько еще ты будешь терпеть и делать вид, что все прекрасно. С другой стороны – если ты терпишь, значит – можешь терпеть. А если можешь терпеть – не показывай на лице, что терпишь. Подумай над этим...

– Да, это не только о туфлях, я поняла, – сказала Ольга.

– Вот именно! – воскликнула Эстер, – Или снимай туфли, или покупай новые, или не криви свой фейс.

– Нужно включить это в следующий курс, – засмеялась Ольга, – Обязательно сделаю это!

– Дарю! – опять воскликнула Эстер, – Ты думаешь, я это только что сочинила? Я давно этим пользуюсь!

Ольга просто обожала ее. У француженок в группах Эстер, конечно, были другого рода проблемы. Нельзя было и сравнивать.

Однако... Их содружество и сотрудничество крепло с каждым днем. У Эстер во Франции была целая информаци-

онная мини-империя – по ее методикам француженки всех возрастов, вероисповеданий, социальных статусов и отношений к лишнему весу строили свое счастье в личной и семейной жизни. Да-да, именно так! В личной и семейной. Им, француженкам, пореже приходилось напоминать о том, что они – женщины (в отличие от наших), француженки, вообще, не заходили так далеко в «наплевательстве на себя»...

Но... В целом, общих тем тоже было много: отношения с мужем, с детьми, со свекровью... как удержать, как найти себя, как стать финансово независимой, как навести порядок в голове, как произвести впечатление, как открыть свое внутреннее «я», как одеваться на встречу с любимым, как получать (читай, выпрашивать) подарки, и так далее...

Этими же темами занималась и Ольга со своими тренерами. Именно Эстер посоветовала ей взять в свою команду таких разных «девочек».

– Понимаешь, – объясняла Эстер, – Будь ты хоть сто пядей во лбу... Я правильно сказала?

– Семь, – машинально поправила Ольга.

– В данном случае это не важно, – заявила Эстер, изящно поправляя платье на плече. На самом деле, делая немного больше вырез, как заметила Ольга и тут же простила изящной Эстер этот милый трюк, – Так вот. На разных слушателей впечатление производят разные спикеры. Понимаешь? Это как с мужчинами! Нет таких женщин, даже среди самых красивых и сексуальных, которые производят впечатле-

ние на всех, без исключения, мужчин. Их просто нет. С мужчинами то же самое. И с тренерами – тем более. Я могу говорить кучу умнейших и правильных мыслей, например, директорам ваших... ммм... совхозов, но... Меня не воспримут. Ты согласна?

– На сто процентов, – улыбнулась Ольга, представляя Эстер на митинге в сельском клубе, – не воспримут.

– Точно также как директор вашего... ммм... совхоза никогда не произведет впечатление на меня, – продолжала Эстер, – И совсем не потому, что со мной или с ним что-то не так, а потому что мы – с разных планет. Пингвин не возбуждает жирафа или муравья. И это нормально! Ты согласна?

– Конечно!

– У тренера с группой должна быть своя связь. Ты не можешь «гнать» всех ко всем. Понимаешь? Пусть они будут разными. Кому-то нужно купить новое белье, а кто-то будет любоваться веткой сакуры, и донести это должны разные люди. Ты согласна?

– Разные! – повторила Эстер, изящно поправляя волосы, – это – главная фишка. Они не обязательно должны быть счастливы, хоть и будут учить счастью, но... Они должны уметь показать, что они счастливы. И должны уметь делать это виртуозно. Это единственное, что они должны уметь делать от природы. Всему остальному – мы их научим, правда?

– Как же мне с тобой интересно! – воскликнула Ольга, хотя была достаточно сдержана в восклицаниях, в отличие

от Эстер, – Ну что? За дело? Пошли посмотреть видео последнего вебинара? Ты знаешь такую поговорку «делу – время, потехе – час»?

– Знаю! – расхохоталась Эстер, – Это смотря какая потеха!

Они дружили уже почти десять лет. Каждая строила свою «женскую» империю на своей территории.

Глава 6

Двое под одной крышей

Это ужасно, когда ты хочешь сказать своему мужчине «Кто ты такой, чтобы...»

Чтобы делать мне замечания... Чтобы критиковать мои действия... Чтобы говорить, что я не права... Чтобы снисходительно что-то подсказывать, делая вид, что ты – глава семьи...

Еще более ужасно было то, что ты имеешь право сказать: «Да кто ты такой?».

Потому что очень хочется заставить его посмотреть на себя. Он делает тебе замечания? Пусть посмотрит, чего он сам добился в жизни... И тогда он, может, наконец, поймет...

И, как только ты признаешь за собой это право, как тут же возникает вопрос – а что ты, милая делаешь с этим недоразумением рядом? Зачем ты с ним живешь?

И как просто на тренингах обращать в свою веру учениц: «Если вы не уважаете своего мужчину, вы не должны быть рядом с ним. Значит – это не ваш мужчина... Оставьте его, купите дорогое белье и... снова на поиски, девочки...»

И как сложно сказать это себе.

Потому что родной. Потому что порядочный. Потому что

любимый, несмотря на все его слабости и недостатки. Потому что есть, что вспомнить хорошего.

Вот только ждать, как будто, нечего...

Но ты упорно смотришь на картинку, нарисованную собственноручно, и продолжаешь обманывать себя. А вдруг чудо все-таки произойдет? Идеальных-то нет?

При всей внешней мягкости и (по мнению Ирины) слабости характера, Сереженька все всегда знал сам. Какой бы вопрос ни возникал, у него было свое мнение на этот счет. Ремонт квартиры и приготовление еды, покупка продуктов или выбор одежды, воспитание детей, лечение насморка или установка мобильного приложения – все он знал лучше всех.

Во многих вопросах он, действительно, разбирался неплохо, но, разумеется, не во всех.

А поговорить любил обо всем. Причем, со знанием дела.

«Еще бы начал рассказывать мне, как делать женщин счастливыми, – злилась Ирина, – как проводить тренинги или строить отношения в семье... Абсурд какой-то...»

Ее «рабочие» дела мало интересовали Сереженьку.

Он любил, чтобы ЕГО слушали. Чтобы не перебивали. Чтобы кивали головой. Чтобы соглашались. Когда Ирина начинала рассказывать что-нибудь о своей работе (где было немало интересного, на ее взгляд), Сергей быстренько начинал рассказывать какие-то случаи из своей жизни или из жизни знакомых, или истории, почерпнутые в интернете, сводя к одному «а вот я...», «а вот у меня...», «а вот я встре-

тил...»

А что, это преступление? Такой уж ужасный недостаток? Вроде бы нет...

Ирина стала ловить себя на привычке говорить с ним быстро, чтобы успеть сказать то, что она хочет, до того, как Сереженька «оседлает» любимого конька.

По большому счету, ее не так уж и волновало его мнение по поводу ее рассказов, и рекомендаций особо ценных она не ждала, но... Хотелось спокойных семейных разговоров из рубрики «как прошел день», «что там у тебя сегодня...». И все...

Из рубрики, милая?

Ну да...

Что-то не так в наших рубриках, милый...

«И этого я тоже не получаю, – растравливала себя Ирина, – С другой стороны... Разве это такой уж страшный грех? Разве это такой принципиальный недостаток? У меня что, мало слушателей?»

– Я сегодня Катю замещала на семинаре, – сказала Ирина, когда они с Сереженькой уселись ужинать «под телек» – уютно так, с ногами на диване, по-домашнему, – Она отпросилась на два дня, Ольга решила не отменять занятия, поэтому у меня сегодня были и свои, и катины... Кажется у нее что-то случилось. Девчонки сказали, что утром прибежала, то ли заплаканная, то ли замотанная какая-то, поговорила с Ольгой полчаса и убежала.

– Ой, смотри, какое чучело, – Сергей, щелкая по каналам, наткнулся на какое-то развлекательное шоу, – Еще бы в перьях вывалялся...

Ирина поджала губы. Понятно, ничего особенного она не рассказывала. А «чучело» могло исчезнуть с экрана через пару секунд. То есть нужно было спешить... И, тем не менее... «Чучело» тоже не было жизненно-важным вопросом. Да и чем-то особенно смешным, что нельзя было пропустить, – тоже не было.

А было?

Все, как обычно.

Поджатые губы Сергей замечал сразу. Реагировал не всегда, но замечал – в тот же миг.

– Извини, – сказал он, – так что ты говорила про Ольгу? С кем она поговорила сегодня?

Он усиленно давал понять, что слушал, слышал и не хотел отвлекаться. Это было заметно. И это же и раздражало.

«А что, милая, было бы лучше, если бы сказал «замолчи, я телек смотрю»? – думала Ирина. Возможно, так было бы и лучше. Иногда. Может, у нее исчезла бы потребность рассказывать свои новости. А может... Это бы решило вопрос раз и навсегда. Хотя... Ей так никто не говорил, и она не знала, как будет лучше. Могла только предполагать.

Самое смешное, что, если бы кто-то из ее учениц рассказал о подобной пустяковой проблеме, она дала бы кучу рецептов, алгоритмов, сценариев, реакций и так далее. Мож-

но было применить так много всего, так ярко, так интересно и так результативно, что... Было лень выбирать.

– Да нет, ничего... – сказала Ирина.

– А Катя, что? Отпросилась с работы? – Сергей продолжал напоминать, о чем она говорила до того, как он ее перебил своим «чучелом».

– Да неважно, – вздохнула Ирина.

– Как ты думаешь, какой это год? – спросил Сергей, опять глядя на экран телевизора. Через несколько секунд появилась надпись – 1964 год.

«Моя мама, как раз, поступила в институт», – подумала Ирина.

У нее были свои отношения с датами. Какую бы дату она ни слышала, она, почему-то привязывала ее к себе и своим близким. Особенно, если речь шла не только о годах, но и о днях.

Когда говорили или писали о каком-то большом событии, которое совершилось незадолго до ее дня рождения, например, она всегда удивлялась – это происходило в где-то в Чили, а в это время, на другом конце земли, моя мама ходила беременная и ждала, что я появлюсь через пару недель.

Хроника событий переместилась назад и на экране появилась новая дата – 1932 год, октябрь.

«Как интересно, – подумала Ирина, – в этом году моя бабушка вышла замуж первый раз. Я, правда, не знаю, было ли это в октябре, но... может именно в это время она бы-

ла влюблена в своего первого мужа или у них был медовый месяц...»

– Смотри, смотри! – воскликнул Сергей. Показывали расследование какого-то преступления, которое уходила корнями в историю.

Ирина не любила ни когда ее перебивали на словах, ни когда прерывали ее мысли.

Капризная?

Да в конце концов...

Какой мудрый диалог!

– Я не хочу...

– А ты возьми и захоти

– О, это труднее, чем сделать!

«Не нужно думать о том, какое у него было трудное детство. Не нужно, когда он делает очередную глупость, говорить: «О, какой ты умный... Не нужно...».

Не зовите в дом войну...

Тоже хорошая фраза.

А что сегодня говорила Эстер?

Девочки, ставьте мне лайки. Даже если вам не нравится. Если не нравится – ставьте «ха-ха». Главное – ставьте. Машина просто увидит, что вы среагировали, понимаете?

Машина-то, да...

– Спокойной ночи, – Сергей поцеловал ее в кончик носа и спросил – Выключать или будешь еще смотреть?

– Выключай, – вздохнула Ирина.

Нужно было еще обыграть пару фраз для завтрашнего выступления и написать рассказ «Воспоминание о детстве».

Какие-то идеи приходили в голову, но все было сырым. Ирина любила, чтобы все было отточено и блестело. Невозможно говорить на публике недоделанными недодуманными фразами.

– Как рано стал наступать вечер, – сказала она задумчиво.

– Да, темно, как у негра в ***, – пошутил Сергей, выключая телевизор и задергивая занавеску на окне.

«Классический пример, как люди понимают друг друга, – подумала Ирина, – Этот диалог можно назвать „Двое под одной крышей“. Но она слегка поехала, эта крыша».

А вы согласны с утверждением о том, что «делу время, а потехе час»?

Это смотря какая потеха... Зависит от нее... Ах, какая милая эта Эстер со своей потехой...

Эпиграфом к своей презентации я взяла несколько вопросов, которые задают себе многие женщины.

Почему я совсем не замужем?

Почему я до сих пор не замужем?

Почему я уже не замужем?

Да, пусть будет так.

И – воспоминания...

Ирина должна была написать рассказ о каких-то событиях из детства, потому что именно такое задание она задавала своим ученицам. Обычно, ее рассказы тоже были среди дру-

гих. Это нравилось ученицам. Иногда они не с первого раза угадывали, кто автор...

Сегодня почему-то захотелось написать так:

Белая фуражка

«У меня было очень счастливое и благополучное детство. Я выросла в любви, заботе и согласии. Позже, я поняла, что из таких, как я, часто вырастают совершенно незащищенные люди. Люди, которые не привыкли отвоевывать свое место под солнцем – от глобальных вещей до мелочей.

Воспоминания о детстве – это какие-то яркие блики на фоне радости, счастья, спокойствия. Трудно выбрать что-то одно.

Возможно, случай, о котором я расскажу, это не самое радостное событие из детства.

Но сейчас я хочу рассказать именно о нем.

Итак,

Я всегда отдыхала с родителями и, слушая рассказы девочек об отдыхе в пионерском лагере, мне тоже очень хотелось попробовать что это такое.

Но приходило лето, и мы ехали на море. Казалось бы, не стоило огорчаться из-за этого, но я продолжала мечтать, как я поеду в лагерь и буду КАК ВСЕ.

И вот обстоятельства сложились так, что летом мама должна была поехать на курсы повышения квалификации учителей, а папа – лечь в госпиталь.

Я пристала к родителям, убеждая их, что лагерь – это единственное место, где мне будет хорошо.

К своему несчастью, они согласились.

Плакать я начала, как только увидела папину белую фуражку, которая удалялась от меня после того, как он привез меня в лагерь.

Пять дней я плакала утром, днем и вечером, во время еды и сна, во время всех детских развлечений и игр.

Я плакала сутки напролет.

Бедные возжатые не знали, что со мной делать. Кто-то уговаривал, кто-то злился, кто-то крутил пальцем у виска.

Короче говоря, закончилось все тем, что я дала домой срочную телеграмму (на все пять рублей, которые мне дали «с собой на всякий случай») с просьбой приехать и забрать меня отсюда.

Когда папа, сбежавший из госпиталя (после моей телеграммы) чуть ли не в больничной пижаме, приехал ко мне в лагерь, я поняла, что спасена.

Большие родители таких экспериментов не делали.

Самое интересное: я до сих пор не могу объяснить, почему мне было так плохо. Скучала? Тосковала? Не чувствовала родных стен? Не видела родных лиц?

Наверное, все вместе...

Сейчас, когда папы уже нет, у меня часто перед глазами встает белая фуражка, которая мелькает в листве, и, на этот раз, почему-то не удаляется, а приближается ко мне...»

Ирина поставила многоточие.

Папочка мой, где ты?

Прости меня, я ведь, пока что, так и не стала
счастливой...

Глава 7

Гормональный бизнес

– Жене миллионера легко вещать о том, как выйти замуж за миллионера. Заметь, я говорю «вещать»! Никто не знает, вышла ли бы она за него замуж, не попадись ей именно этот миллионер. Никто не знает, что происходит в спальне у нее с ее миллионером. Никто не знает, миллионер ли он на самом деле... Ты понимаешь? Учить – легче, чем быть!

Эстер размахивала крыльями. Разумеется, крыльев у нее не было, но когда она начинала жестикулировать, то казалось, что вместо рук у нее крылья. Были темы, на которые она могла говорить часами.

Она была очень умная, эта отчаянная Эстер.

– Естественно, – соглашалась Ольга. Она любила, когда ее убеждения находили подтверждение в словах подруги.

– Так вот! – Эстер хорошо говорила по-русски, но в минуты особого волнения начинала немного сбиваться, – Ммм... Как сказать?.. У вас в стране миллионеров меньше, чем их жен, понимаешь? И это ваша беда! Для того, чтобы научить как выйти замуж за миллионера, не нужно быть его женой! Нужно уметь научить! А это умеют не многие...

– Ой, если бы ты знала, чему у нас только не учат, – вздох-

нула Ольга, вот посмотри, только сегодня пришла рассылка...

Близорукая Эстер приблизила лицо к экрану. Она надевала очки только в самых крайних случаях и не позволяла себе щуриться ни при каких обстоятельствах.

Она была некрасива, но ужасно обаятельна. Знаете, такое породистое лицо, когда каждая деталь, вроде-бы, не на месте, но все в целом – одно сплошное очарование.

Очарование неправильности.

– О, Боже, – воскликнула Эстер, – что это?

На экране женщина средних лет буквально выползала из собственного декольте, рассказывая о нумерологии, лунных днях, войнах внутри себя, играя глазами, наматывая локон на пальчик и призывая ставить «плюсики» тем, кто с ней согласен.

– Жанночка, Аделечка, Сашенька, это прекрасно, ищем позитивчик. Эту энергию нужно взять и использовать для себя, любимой... Я сама нахожусь в этих эмоциях, в этих ощущениях и у меня появилась потребность делиться с вами...

Маленькие, неровно подведенные глазки вещательницы играли, не останавливаясь... Руки, при этом, проделывали какие-то манипуляции в области декольте, которое занимало большую часть экрана. Жесты не совсем соответствовали словам и интонациям, что, по-видимому, не беспокоило их автора. Она себе очень нравилась. В этом сомнений не было... Перстней на руках было достаточно...

– Да-да, у нас есть энергетические стволы, через меня проходят эти две энергии. Я научу вас запускать эти два потока...

Иногда она забывала о том, что глаза «должны быть» с поволокой и ее взгляд становился слегка стеклянным. Потом она вспоминала об этом и возвращалась в обычную для себя тональность.

– Начинаем практику, девочки... Проживаем мощную небесную энергию. Сохраняем ее в своей матке. Вдыхаем воздух через нос...

– Ой, не могу, выключи, – простонала Эстер, – меня тошнит.

– Как? – рассмеялась Ольга, останавливая запись – ты не прониклась?

– Бедняжка, – продолжала издеваться Эстер, – ей нужно одновременно показывать ямочки на щеках, которых нет, шарм, которого нет, сексуальность, которой нет, и все ее старания показать то, чего нет, на виду.

– Но ее уверенности в себе просто позавидуешь, – сказала Ольга, – К сожалению, многое, о чем ты говоришь, видно только нам... Практики женской силы и академия гейш... Вперед, Жанночки и Адельки...

– Гормональный бизнес! – сказала Эстер.

Ольга рассмеялась.

– Ты – гений! Это будет названием следующего курса! Ты хотела сказать «гармоничный»?

– Это не важно, что я хотела сказать! Важно, что я сказала! И не переспрашивай!

– Мне хочется танцевать с тобой, Эстер! Эту фразу тоже нужно записать и использовать! Какая разница, что ты хотел? Важно, что получилось!

– Дарю! – махнула рукой Эстер, – Я сегодня улетаю в Париж и вечером буду танцевать с Николая! Удачи тебе в гормональном бизнесе!

Зазвонил телефон.

– А вот и он, мон пти круассан, – Эстер взяла телефон в руки, но не поднимала трубку. Подождала несколько секунд и продолжала по-французски, – Любимый, как я соскучилась. Где мы будем танцевать наше танго сегодня вечером?

Ольга вышла в другую комнату. Она не все понимала, что говорила Эстер, но не хотела никого смущать. Хотя, нужно отдать должное Эстер, та не смущалась. Этому следовало поучиться. Когда она говорила с Николая, они были только вдвоем во всем мире. Все эмоции Эстер были на ее лице. Хотя на своих занятиях она говорила о том, что так тоже можно.

Можно все прятать, а показывать выборочно, в нужный момент.

А можно – наоборот. Показывать все и сразу, но вовремя прятать что-то одно. Это тоже производило впечатление.

Эстер была докой во впечатлениях. Когда она говорила о своем Николая, он казался не мужчиной очень и очень сред-

них лет, а облаком, которое обволакивает и нежно прикасается к тебе.

Ольга никогда его не видела, и образ Николая формировался только из рассказов Эстер. И этот образ был просто великолепен. Здесь была и тихая грусть, и проверенная годами нежность, и отчаянное восхищение, и чисто французское преклонение перед женщинами вообще и единственной женщиной, которая создавала его мир, – Эстер.

– Ну что, ждет-не-дождется? – спросила Ольга, когда Эстер закончила разговор и вошла к ней в комнату.

– О, как я его хочу! – воскликнула Эстер, достала помаду и начала подкрашивать губы, – в котором часу мы выезжаем в аэропорт?

– Через час, – ответила Ольга, думая о том, что и Эстер, и ее мужу уже «хорошо за пятьдесят».

О, как я его хочу!

Как славно лично знать женщину, которая в пятьдесят четыре года открыто заявляет подобное. Ты умница, Эстер! Он, наверное, там у себя под Парижем, чувствует, как ты его хочешь.

– Ты знаешь, много лет женщине навязывали мнение о том, что нужно быть скромной и стыдиться своих естественных желаний, – Эстер, как будто, услышала ее мысли, – а в вашей стране на такое воспитание наложился еще эдакий советский унисекс. Я правильно называю?

– Я понимаю, о чем ты говоришь, – ответила Ольга, – толь-

ко сейчас все наоборот – все начали выставлять напоказ даже то, что можно было бы и придержать. Вот у тебя это получается естественно, а у других...

– Этот период тоже нужно пережить, – глубокомысленно промолвила Эстер, заканчивая макияж, – так бывает. Нужно метнуться из крайности в крайность, чтобы потом найти золотую середину. Николая пригласил меня сегодня вечером в ресторан, где танцуют танго.

– У тебя будут силы еще идти в ресторан и танцевать после перелета? – улыбнулась Ольга. Она точно знала, что у Эстер силы будут, но хотела подыграть ей, услышать ответ.

– О чем ты говоришь? Мы танцуем танго два раза в месяц в этом ресторане уже тридцать лет! Даже если самолет разобьется, я все равно пойду туда с Николая!

– Не говори так, – нахмурилась Ольга.

– Не буду, – согласилась Эстер, – Хорошо. Приползу, даже если у меня будут сломаны обе ноги.

– И так не говори.

– Одним словом, – Эстер поправила прическу, – не знаю, что должно случиться, чтобы я отказалась от нескольких часов с Николая, который меня ждал почти две недели.

– Ты знаешь, – продолжала Эстер, когда они уже ехали в аэропорт, – Бог не дал нам детей, но дал друг друга. Мы не можем это растерять. У меня реже стали бегать мурашки от его прикосновений и взглядов. Меня это начало беспокоить. Все здорово, но без мурашек, ты понимаешь?

– Ты научилась управлять своими мурашками?

– Они стали другими. Так бывает. В юности – это мурашки страсти, а сейчас... Это мурашки нежности и приятных воспоминаний. Мужчинам труднее. Приходит время, когда мы должны их понимать.

– Разве мы не всегда должны их понимать?

– Конечно, нет. Это чисто славянская точка зрения. Мужчина, который рядом – это мужчина, с которым мне хорошо. Все. Вот вся суть. Хорошо ли ему со мной – это его проблемы. Не мои. Женщина начинает думать о том, что... может он мне нагрубил, потому что его мама в детстве мало целовала? Может, его в лицее обжали, и поэтому он огрызается теперь со мной? Может ему не хватало денег в студенческие годы, и поэтому, он экономит на подарках для меня? Может, он с детства мечтал стать велосипедистом, а вынужден работать менеджером, и это его раздражает?

– Да-да, именно так мы и рассуждаем, – поморщилась Ольга, узнавая себя в юности и своих подруг – и тогда, и теперь.

– Как красиво ты ведешь машину! – вдруг воскликнула Эстер, – Просто великолепно! Ты делаешь это лучше многих мужчин!

– Я никогда не стремилась с ними соревноваться, – улыбнулась Ольга, – Зачем? Тем более, в вождении машины. Мужчины у нас не только умеют водить, но и знают ее устройство. Не все, конечно, но многие. Память отцов, ко-

торые, покупая машину, знали точно, что под ней придется «лежать». А мне это не нужно. Я не горжусь тем, что знаю, где находится масляный фильтр.

– Вот и подумай сама над тем, что ты только что сказала, – Можно знать, но необязательно гордиться. Можно уметь, но не демонстрировать это умение. Можно понимать, что ты – лучше, но не давать это понять другому на каждом шагу. Можно так, а можно – иначе. Но машину ты ведешь просто прекрасно. Каждый решает для себя. И... возвращаясь к тому, о чем мы говорили раньше. Никто ничего не обязан понимать. Не нравится – свободен на все три стороны. Или четыре? А, если нравится, то... это нужно беречь. Согласна?

– На сто процентов!

– Отлично! Поэтому сегодня вечером я буду танцевать танго даже если меня в самолете хватит инфаркт.

– Да что ты накаркиваешь? – прикрикнула Ольга, – что ни пример, все о каких-то ужасах.

– Ладно, не буду утомлять тебя своими ужасами, – цинично согласилась Эстер, – а, вообще, прежде чем мы с тобой начнем строить планы на будущее, скажи своим девочкам, чтоб более тщательно строили именно свой имидж.

Ольга не успевала переключиться с темы на тему. Нужно было еще и за дорогой следить, и слушать всякие ужасы Эстер, и попевать за ее скачущими мыслями.

– Что сказать? – переспросила она.

Но Эстер никогда не повторяла дважды.

– На всякий товар находится покупатель, – продолжала она, – Но товар должен быть не столько качественным, сколько законченным, завершённым. Ты же не покупаешь недорисованную картину? Недошитое платье? Ну... то, что недостроенные квартиры вы покупаете, это я знаю, но это – аномалия. Об этом не будем. Так вот – если женщина по сути своей и по внешности – милая домашняя кошечка, она не должна надевать на себя маску «вамп», как бы ей это ни навязывали наши тренинги. И наоборот: нет ничего более нелепого, чем роковая мадам, которая опускает глазки, как нашкодившая школьница... Боже, кто выдумал этот язык? Нашкодившая школьница! Это можно выговорить?

– Можно, конечно, но нашкодившим обычно бывает кот... так что там про имидж?

– Образ должен быть законченным, понимаешь? – Эстер опять достала пудреницу, – мы учим своих девочек – будьте такими-то и такими-то, делайте так или так, а, на самом деле, должны учить – пойми что такое ты, а потом уже шлифуй, убирай лишнее, добавляй детали. Суть все равно не поменяешь. Знаешь, что я поняла? В этом просто нужно признаться самой себе. Я никого не делаю счастливым, на самом деле, своими курсами тренингами. Я делаю бизнес. Я никогда в этом не признаюсь публично, но могу признаться тебе.

– Подпишусь под каждым словом, – сказала Ольга, обнимая подругу уже у стойки с багажом, – Те же мысли посеща-

ют меня очень часто. Я люблю тебя, Эстер.

– Да, мы как сестры. Мы делаем бизнес, рассказывая, как стать счастливым, хотя сами этого не знаем. Давай признаемся в этом хотя бы друг другу, что ли?

– Давай!

– Мы делаем бизнес, но я, при этом, еще люблю Николая, хотя он в последнее время становится немножко невыносимым.

– Первый раз слышу, чтобы ты сказала о нем что-то не совсем хорошее!

– Я сказала «немножко», ты не заметила?

– Заметила.

Они обе стояли и подшучивали друг над другом, хотя почему-о было грустно. Любое расставание – это легкая или нелегкая грусть. Даже если тебя ждет Николай и танго в уютном ресторане. Или что-нибудь еще.

Все равно, это грусть...

– Я понимаю, почему он немножко невыносим. Его род ведется из рыцарей, приближенных к королевскому двору. И иногда он вспоминает об этом. А моя прабабушка была прачкой. И я его понимаю, хоть и не должна.

– Будь счастлива и во всем права, – сказала Эстер на прощанье, – А если и то, и другое невозможно, то – только счастлива. Но – на все сто процентов. Стройте образ, девочки...

Ах, как великолепно была Эстер, которая поднималась на эскалаторе и махала рукой. Суевренная Ольга сдержалась

и не стала фотографировать на телефон. А кадр стоил того! Он мог бы украсить обложку любого туристического журнала.

Эстер еще раз махнула рукой и, для Ольги, оказалась уже, практически, в Париже.

Страстного танго тебе, Эстер!

Выезжая со стоянки аэропорта, Оля подумала, как красиво она водит машину. Все-таки Эстер умела повлиять на женщину, хотя толком и не знала, как сделать ее счастливой. Но... хоть призналась в этом честно, черт возьми.

Глава 8

А мне не больно!

Путь от «о, ужас-ужас» до «ура, да здравствует» проходит через «в принципе, неплохо».

И в политике, и в экономике, и в личной жизни.

И наоборот. В смысле от «ура» до «ужаса». Тоже с периодом «более-менее» или «не было бы хуже».

Одним словом...

Сделайте апгрейд своей жизни!

Как легко сказать!

«Девочка на фоне персидского ковра» М. Врубеля «жила» в музее русского искусства, но не каждый день ее показывали посетителям музея. Выставка «Сады Серебряного века» не могла не показать эту картину, и Катя, которая забрела в музей почти случайно, поняла, что зрители, наслаждаясь залитыми солнцем старинными двориками, уютными скамеечками в провинциальных скверах, нежными воздушными дамами в шляпках начала 20 века, приходили все-таки посмотреть на «девочку».

В любом пространстве есть фон, а есть – центр. Причем, почему-то принято считать, что центр – это самое важное, самое значительное, самое основное.

С другой стороны... Убери фон – и не будет главного.

Убери участников и проигравших – не будет победителя.

Убери учеников – не будет учителя.

Убери подмастерье – не будет мастера...

Как минимум, так бывает очень часто...

Что-то проявляется только на фоне чего-то...

Ох, Катя, куда-то тебя занесло. «Девочка» – это центр, а все остальное – фон? Ты об этом?

«Ничего, я расстроена, обижена, опустошена, мне можно, – иронизировала она сама с собой, – не нужно быть камнем, можно и понять иногда, тем более, я никому не мешаю, просто хожу по выставке и думаю о важности фона... Когда же и пофилософствовать, как не теперь, когда любимый оставил меня, унеся с собой гель для душа и частичку моего сердца. Ах, как печально...»

В скверике напротив музея маленький духовой оркестрик играл в воскресенье что-то из серии «Сердце, тебе не хочется покоя...» Волшебство Киева... Невероятные ощущения...

Катя купила мороженое и села на лавочку. Напротив расположились две дамы «слегка за 70», тоже с мороженым. Музыка, которая порхала над сквером соответствовала картинке с дамами в белых брюках, легких «полезных для тела» кофточках и кружевных панамах. Сумки у обеих были фасона «ридикюль», выдавшие виды, но еще вполне приличные. Можно выйти в люди, одним словом.

А дамы, безусловно, «вышли в люди» и наслаждались

жизнью. Всеми доступными им способами: красивый наряд, мороженое, болтовня с подружкой, светлый день, легкий ветерок, музыка, которая шевелила воспоминания.

«Выглядят так, как будто у них нет болеющих простудами непослушных внуков, неудачных детей, которые живут неправильно, и уже сломали себе жизнь, нахальных соседей, которые выкручивают лампочки в подъезде и загораживают клумбу своей машиной, безразличных медсестер в поликлинике, которые только и ждут подарков и подношений – нет, чтобы спросить, как вы Мария Ивановна себя сегодня чувствуете...», – думала Катя, наблюдая за дамами, – И когда приходит квитанция на оплату коммунальных услуг, наверное, они не истерят полдня по поводу того, что жить стало невозможно... И не копят в себе обиды тридцатилетней давности, которые съедают их изнутри... Неужели им ни от чего не больно?»

Завидуешь, Катя?

Да, завидую. И даже не скрываю этого. Как научиться такому отношению к жизни? Как?

Хотя... Картинка в парке – это всего лишь картинка. Бог знает, что там у них в жизни происходит. Как ты можешь судить о них, если ты видишь их в первый раз и ничего о них не знаешь?

И все-таки картинка говорила сама за себя. Дамы были прекрасны в своей беззаботности. Катя улыбнулась сама себе и подтянула последний аргумент: «Сидят, как будто у них

нет дачи, где нужно выращивать помидоры, которые потом нужно „закатывать“ в банки и на электричке везти домой. И как будто недовольные дети потом не говорят им „Мы такого не едим“. И вообще – мама, если тебе это нужно – делай, но помни, что ты делаешь это для своего удовольствия, а не ради нас, как ты, вероятно, считаешь... Одним словом, сидят, как будто в их жизни нет тех проблем и мелочей, которые, буквально, сжирают, большинство пожилых людей в наших краях».

На детской площадке карапуз лет пять мирно лепил куличики из песка. Вообще-то это было чисто девчачье занятие – лепить куличики. Но он делал это для себя. Потому что ему это нравилось. Машинка на веревочке валялась рядом. Почему бы и нет? Или нужно водить машинку даже когда хочется лепить куличи? Даже если ты – мальчик? Где такое написано?

Малыш делал ровно пять куличиков (столько помещалось на бортике песочницы), потом деловито брал лопатку, которая аккуратно лежала рядом, и разрушал их пятью точными ударами. После этого лопатка так же аккуратно отставлялась в сторону, мальчуган собрал песок в формочку, и на поверхности появлялись ровно пять куличей, которые ждала та же участь. Он готов был потрудиться для того, чтобы получить удовольствие от шлёпанья лопаткой по своим изделиям, которые опять превращались в просто песок. Сам сделал, сам поломал, сам построил. И никому не мешаю...

Две девочки, явно чуть постарше, не могли, видимо, спокойно смотреть на то, как мальчик не обращает на них никакого внимания. Ему просто не было до них никакого дела, и это было невыносимо. Они отбросили в сторону детскую колясочку, где сидели три куклы, и вместе схватились за машинку. Обе почти в упор смотрели на мальчика, ожидая, что он бросится защищать свое добро.

Тот не реагировал.

Две малолетних обольстительницы завладели машинкой без труда, и это было неинтересно. Да еще и мама мальчика спокойно улыбнулась, глядя на девочек и подтвердила, что машинку взять можно: «Играйте, играйте».

Стало совсем скучно.

Девочки отложили машинку и подошли вплотную к мальчику. И опять – никакого внимания. Он, как раз, доделывал пятый кулич, видимо, предвкушая...

Как только все изделия были готовы, мальчик взял в руки лопатку и... Девочки, не помня о том, что на них белые носки, которые, по-видимому, пачкать было нежелательно, растоптали ногами все куличи так быстро, что он даже не успел замахнуться своей лопаткой.

И засмеялись, вытряхивая песок из босоножек.

К огромному разочарованию девочек, малыш даже не нахмурился, а просто объяснил:

– Не надо, я сам...

Может вы, дескать не понимаете, в чем заключается моя

игра. Но у девочек были совсем другие цели. Они, как раз, понимали больше, чем он мог себе представить. Ага, тебе хорошо без нас? Не слишком ли много ты себе позволяешь? Ты, может, задираешь нос?

Следующая пятерка куличей так и не было построена. Как только мальчуган сооружал первый куличик, одна из девочек обязательно его разрушала. Причем они даже начали соревноваться друг с другом, кто из них первым топнет ногой по песку. Мальчик упорно не плакал, не звал маму, не жаловался, даже не толкался, на что активно напрашивались девочки, нависая над ним, и чуть скашивая глаза в сторону его мамы, пытаясь вовремя почувствовать, когда она встанет на защиту.

Когда очередной кулич был построен и тут же бессовестно разрушен, мальчик присел на корточки, взял лопатку и, размахнувшись как следует, «зарядил» своим обидчицам – одной по попе, другой – по ноге. Уж, куда пришлось, как говорится...

«Молодец! – подумала Катя, наблюдая за сценой, – Наконец-то... Все, как в жизни взрослых людей. Ему хорошо, и он занят делом. А кому-то рядом скучно, и кто-то хочет привлечь к себе внимание всеми известными ему способами. А способы-то у всех разные... Кто как умеет, тот так и привлекает... А кому-то хватает самого себя и своих куличиков...»

Реакция девочек была тоже очень любопытной. Одна

из них тут же пустилась в плач, схватившись за ногу и усиленно хныкая, стараясь делать это как можно более жалобно и обиженно. Поскольку слез не было, девочка отчаянно выдавливала из себя всхлипывания, втянув голову в плечи и всем своим видом показывая, какая она избитая, униженная и оскорбленная. При этом, она старательно стряхивала песок с белого носочка, вытирая сухие глаза и делая вид, что ее не только ударили, но и испачкали ее новые чистейшие великолепные носки. Унижению не было предела. Эта «слабая женщина», этот «сломанный цветочек» взывала ко всем – посмотрите на этого изверга, пусть все знают, что он со мной сделал!

Ее подружка вела себя совершенно по-другому. Она скакала на одной ножке, корчила рожицы и выкрикивала «А мне не больно! А мне не больно! А мне не больно!»

Кричала она это то в адрес мальчика, то в адрес второй девочки. Доказывала всему миру – вы хотели мне сделать больно? Ничего у вас не вышло! Вы думаете вам удалось меня обидеть? А вот и нет, вам не удалось! Нам с тобой досталось вместе, так вот: тебе больно, а мне – нет! Я осталась безнаказанной! Ты плачешь, а я смеюсь!

«Просто одна из классических моделей поведения в отношениях, – грустно подумала Катя, – Хотя тренинг проводи в песочнице – живая иллюстрация. Сейчас еще кто-нибудь скажет малышу – ты же мальчик! Девочек-то бить нельзя! Хотя, если быть честным, то, наверное, бить нельзя если ты

сильнее физически... Нет, безусловно, драться нельзя вообще, в принципе... Но, если уж начинать, то причем тут девочки-мальчики? Бить нельзя ни девочек, ни мальчиков. Даже если девочки сильнее, как это часто бывает... Ни делать назло, как это делали девочки, тоже вроде бы нельзя... Каждый выбрал доступный ему способ. Девочки хотели именно таким способом привлечь к себе внимание, вероятно. Все-таки не хочется думать, что они это делали для того, чтобы навредить ему. Хотя бывает по-разному... А он... Он просто „сказал“ им тоже доступным ему способом „Отстаньте, наконец“. Ведь он пытался объяснить словами. Не помогало. Что он должен был сделать, кроме как треснуть лопаткой, чтобы оставили в покое? Боже мой, насколько все повторяется в жизни...»

– Зачем ты дерешься? – строго спрашивала мальчика, судя по возрасту, няня или бабушка одной из девочек, посматривая на его маму, и, видимо, сомневаясь, с кем ей следует вести переговоры – с самим мальчиком или с его мамой.

– Он меня ударил прямо лопаткой, – капризно-жалобным тоном причитала первая девочка, в то время, как вторая чувствовала себя полной победительницей – «А мне-то не больно!». И все сделала, как хотела, и развлеклась, и внимание к себе привлекла, и мальчика ругают, и подружку можно дразнить – и при всем при этом «мне не больно!».

Няня или бабушка обняла за спинку плачущую девочку и со словами «пойдемте отсюда, раз тут такие грубые маль-

чики» зашагала в сторону выхода с площадки. Вторая девочка, видимо, именно в этот момент осознав «а не слишком ли рьяно я делаю вид, что у меня все Окей?» двинулась за ними.

Мальчик деловито строил пятый кулич.

«Невероятно, – подумала Катя, – Просто сцена из семейной жизни. Каждый имел право. Каждый был прав. Каждый выбрал способ показать свою правоту. Каждый знал как лучше, и как нужно... А не сложилось...»

«А мне не больно! – Катя услышала напоследок эту фразу, которую снова «завела» девочка, видимо, осознав, что «не переплачет» подружку и, в этом случае, от избранного курса лучше уже не отступать.

А мне не больно!

О, Боже, сколько же можно вложить в эту фразу! А нужно ли? Нужно ли доказывать, что «мне не больно», если все-таки болит? Нужно ли объявлять, что «не болит», если, по идее, могло бы и болеть? У каждого – свой способ...

Две дамы медленно поднялись со своей лавочки и, взявшись «под ручку» направились к выходу из сквера. При этом было видно, что тема для разговоров не иссякала – они активно обсуждали что-то интересное им обоим, и, при этом, совершенно не раздражали друг друга, что было, нужно признать, большой редкостью в наше время в наших краях.

Невысокий парень с розой в руках неторопливо прогуливался вокруг памятника в центре сквера, время от времени поглядывая на часы. Часы были на телефоне, поэтому, вся-

кий раз, когда он доставал из кармана телефон, Катя думала, что он будет кому-то звонить.

Но... Нет, он смотрел на экран и снова прятал телефон в карман. Девушка, по всей видимости, безнадежно опаздывала. То, что это была девушка, не вызывало никаких сомнений. И роза на длинном толстом стебле (одна – но шикарная), и светлая тенниска, и тревога, смешанная с недоумением в глазах парня, и поглядывание на часы, и пачка сигарет, которую он то доставал, то опять прятал, – все это говорило в пользу девушки.

«Сижу тут, как синий чулок и наблюдаю за тем, как у других проходит жизнь, – думала Катя, – Старушки, дети, парочки... А что еще делать брошенной женщине? Купить новое белье и броситься во все тяжкие, как мы, иногда, советуем на тренингах? Может, пройдет время, и я опять посоветую это себе. А пока что... Ну просто руки не поднимаются предпринимать какие-то действия... Тем более, в этом направлении... Нужно ли себя заставлять? Я всегда говорю, что да, нужно. А на самом деле? А на самом деле – зависит от ситуации...»

Выражение лица паренька менялось по классической схеме. Сначала – «Ну вот, я на месте, все при мне, спокойно жду...», потом – «На сколько там она имеет право опоздать? Ладно, пусть воспользуется своим правом...». Через некоторое время – «Сейчас опять будет рассказывать, что в метро «были пробки»... И, наконец, – «ну пусть только придет,

сколько ж можно!»

«Сегодня я дам вам совершенно уникальные способы как избежать прямых упреков в случае „провинности“ противоположной стороны, которую вы готовы простить при условии соответствующей реакции той самой противоположной стороны...»

Так начинался один из модулей катиного тренинга по отношениям. «Знает ли этот парень, как именно нужно реагировать на тот факт, что его девушка опаздывает более чем на сорок минут? – думала Катя.

А знаешь ли ты это сама, Катюша? Нет, уникальные способы ты, безусловно, знаешь, и рассказать о них умеешь, и примеры привести красочные тоже можешь...

А знаешь ли ты, что за девушка появится здесь? Или не появится? Знаешь ли ты, кого он ждет? Как можно советовать?

Отнеситесь к ситуации с юмором! Это был беспроницательный совет, и считалось, что он подходит к любой ситуации. Катя вспомнила, как в первые недели знакомства с Никитой, он все время опаздывал – и на свидания, и в гости, и домой – буквально всегда и везде... И каждый раз пытался обратить это в шутку. Шутки были разные, а ситуация не менялась — ха-ха, ты прождала меня двадцать минут, ах ты моя любимая девочка, вот такой я безалаберный, зато это мой единственный недостаток, во всех остальных отношениях – я просто орел... Ха-ха, придумай сама, мое солнышко, что там слу-

чилось у меня по дороге, ты же такая умненькая... Ха-ха, любимая, я заезжал к сестре – ну ты понимаешь, просто визит вежливости, нужно время от времени отдавать дань родственникам... Заехал, а там вся компания – меня не отпустили, но я геройски объявил всем, что меня ждет мое солнышко... Ха-ха...

Катя знала много способов ответить или отреагировать, но не изменить ситуацию. Пришлось изменить отношение к ней. Перед этим, правда был испробован еще один способ – прийти на свидание на полчаса позже и увидеть, как Никита подбегает к памятнику с другой стороны. Но насладиться в полной мере не удалось. Он сразу же заявил – вот видишь, и с тобой такое бывает, а я же не злюсь, не упрекаю, не заявляю о разрыве, не говорю, что «следующий раз будет последним»? Я же все понимаю, любимая, правда?..

И что, в конце концов, такое опоздание? Смертный грех? Предательство? Горе?

Полная ерунда...

Я опоздал – ты меня подождала. Ты опоздала – я тебя подождал. Это все мелочи, малыш... Действительно, какие мелочи!

Со стороны метро к памятнику шла девушка. По тому, как парень подобрался, подтянулся, надел на лицо маску равнодушия Катя поняла, что это – ОНА. Девушка шла, не торопясь, как-то очень уверенно и сдержанно и, как будто, ничуть не чувствовала себя виноватой. Нужно сказать, что там,

конечно, было на что посмотреть и чем гордиться – длинные волосы, яркий макияж, умное лицо, достойное декольте, красивая одежда, дорогая сумка. Она, явно, знала себе цену.

– Пятьдесят минут! – парень явно хотел высказать побольше, но не был уверен, что ее реакция ему понравится, – Я думал ты вообще не придёшь.

– А чего не позвонил? – девушка перешла в наступление, – Нужно было просто позвонить, я бы тебе объяснила, что опоздаю.

– А самой позвонить было нельзя?

– Слушай, у тебя что, настроение плохое? – безмятежно спросила девушка и сделала вид, что только что увидела розу у него в руках – Ой, это, наверное, мне? Или нет?

Включилось кокетство.

Катя точно знала, что в таких случаях главное – попытаться внушить человеку понимание того, что стоит за его собственными словами...

В размышлениях о контекстной, позитивной, негативной и прочих видах интерпретаций, Катя поднялась со скамейки. Это становилось невыносимым – сидеть и смотреть на то, как кто-то так «безграмотно», но все-таки строит отношения, в то время как бизнес-тренер и лайф-коуч Катя должна была наблюдать за этим со стороны и анализировать чужие ошибки, которые, по большому счету и ошибками-то не были.

Выходя из сквера, Катя увидела, что девушка, после

недолгих уговоров, все-таки взяла розу.

«Вот и учи их после этого как нужно строить отношения!».

Глава 9

Аномалия семейного счастья

– Слушай, а в чем секрет семейного счастья? Есть такой?

– А я не считаю, что счастье бывает семейное и несемейное. Оно ведь просто счастье!

– Ну хорошо, тогда так: каким должен быть мужчина рядом с тобой, чтобы ты была счастлива?

– Все банально до безобразия: он должен быть любимым. И все. Счастье – это состояние. Оно может быть долгим или коротким... И это, пожалуй, единственная единица измерения по отношению к счастью. Человек не может быть немножко счастлив. Как не может быть немножко несчастен.

– А если любимый – совсем не такой, как тебе нужно для счастья? Если любимый, но бедный? Любимый, но трусливый? Любимый, но безалаберный? И список можно продолжить...

– Вот именно! Список можно продолжить даже так: любимый, но пьющий, любимый, но жестокий, любимый, но безвольный и так далее... Ты разве не встречала таких?

– Конечно, встречала. Но где же тут счастье, скажи, пожалуйста?

– А его нет. Я же не сказала, что этого достаточно. Этого

может быть и не достаточно. Но это – необходимо. Когда чувствуешь, то слова меркнут, но сказать можно так: для счастья нужно, КАК МИНИМУМ, чтобы он был любимым. Ты пробовала жить со смелым, обеспеченным, волевым, но нелюбимым?

– Нет, к сожалению.

– Не к сожалению, а к счастью. Какой милый каламбур получился. Так вот, какими бы нужными чертами и характеристиками он ни обладал, если ты его не любишь, ты не будешь счастлива. А как полюбить – этого еще никто не придумал, да и вряд ли кто-то придумает. Поэтому все слова о том, что кого-то можно научить быть счастливым в семейной или несемейной жизни – это миф. Просто миф инфобизнеса. Зарабатывание денег теми, кто пошел по этой дорожке. Понимаешь? Для некоторых людей счастье – это не знать, что такое счастье. Смешно звучит?

– Не смешно. Печально.

– Да, печально. Я видела женщину 65 лет, которая полюбила двадцатилетнего мальчика. Аномалия? Нет. Просто подтверждение того, что такое тоже может быть. В любви нет законов. Нет правил, говорящих «вот этого ты полюбишь в любом случае, а этого – не полюбишь никогда». Их просто нет. Я знала женщину, которая признавалась мне: «я думала, что люблю своего мужа, а потом, когда встретила другого, поняла, что то, что было раньше – это была не любовь».

– Она была счастлива, когда встретила того, другого?

– Она была очень несчастна. Потому что и у него, и у него было по двое детей и очень положительные вторые половинки – ее муж и его жена. И, если бы они сошлись, то сделали бы несчастными сразу шесть человек. Можно, при этом самому быть счастливым? Не знаю.

– Наверное, нет. Но мы начали разговор с того, что он должен быть любим тобой для того, чтобы ты была счастлива.

– Я подчеркну – как минимум. Как минимум, он должен быть любим. И на этом строится все остальное. И это не измеряется. Это приходит и уходит без всяких правил.

– Это ужасно.

– Возможно. Но так есть. И, наверное, так будет всегда.

Ирина встала и вместе с ней поднялась ее собеседница, конкретная девушка лет сорока, отчаянно пытающаяся выглядеть на 26.

Когда Жанна появилась в классе для тренингов на первом занятии, все резко обратили на нее внимание. Она привлекала своим отчаянным призывом «вы что, меня не видите?»

«Конкретная девушка», – шепнул Ирине специалист по техническим вопросам Виталик. Он заканчивал настройку и подключение проектора, был абсолютно нейтральным по отношению к «ученицам» и свято соблюдал закон «женских» тренингов – не осуждай и не обсуждай. Но тут, как говорится, и его проняло.

Ирина не стала оборачиваться, чтобы рассмотреть вновь прибывшую даму, только шутливо-укоризненно покачала

Виталику головой. Но когда она увидела это чудо, то тоже подумала: «Да уж, конкретная девушка». С тех пор Жанна так и называлась – девушка конкретная. Не вслух, конечно, а про себя.

Занимаясь финансовым менеджментом на каком-то крупном производственном предприятии, постоянно находясь в плену цифр, расчетов, логических заключений и прогнозов, Жанна не имела возможности проявить свою женственность и сексуальность иначе, чем выразительно оголять свои сорокалетние (очень даже приличные для ее возраста) ноги с помощью решительных мини-юбок, свою сорокалетнюю (очень аппетитную на самом деле) грудь, и даже живот, который или выглядывал из-под короткой майки или просвечивался сквозь полупрозрачную кофточку.

Возможно, если бы так откровенно наружу торчало что-то одно, окружающие (с натяжкой) и могли бы сделать вывод, что девушка, конечно, молодится, но, в целом, выглядит прилично, хоть и вызывающе. Но поскольку было оголено все, что можно было оголить без риска попасть в полицию, тайны никакой не оставалось, и окружающие делали единственный возможный вывод – мадам хочет вскочить в последний вагон и мчится за ним с бешеной скоростью.

Жанна носила провокационный макияж, «рваную» рыжую прическу, жалела, что пальцев на руках было всего десять, а ушей всего два, так как ее колец, перстней сережек и клипсов хватило бы и на сороконожку, и на сорокоручку.

Несмотря на то, что шея у Жанны была одна, как и у всех более-менее нормальных людей, на нее можно было повесить пять-шесть цепочек с кулонами и пару бус, чем она и пользовалась.

«Не женщина, а цыганский табор-с...» – подумала Ирина и начала приглашать рассаживаться всех дам, которые пришли на занятие по корректировке собственного имиджа.

А потом...

А потом оказалось, что эта Жанна, которая носила ресницы, рискуя, что они просто обрушатся в какой-то момент, помаду, от которой ее рот напоминал кровавую рану и по три браслета на каждой ноге, не только работает финансовым менеджером, но и пишет стихи, и даже очень милые глубокие стихи... Ходит в филармонию, чтобы послушать классическую музыку... Знает наизусть всего Блока... Занимается на курсах японской живописи.

В общем, не такая неприкаянная оторва, как может показаться с первого взгляда.

Одним словом... Они подружились: интеллигентная сдержанная и воздушная Ирина и эта Жанна, которая пришла на консультацию, достала из сумки репродукцию картины какого-то художника начала 20 века (современник Врубеля, уточнила Жанна). На картине была изображена тоненькая акварельная девушка в шляпе с бантом и розовом платье с воланами на фоне залитого солнцем сада. Жанна сказала:

– Вот какой я хочу быть.

И когда Ирина вскинула на нее удивленные глаза, добавила:

– Внутри и снаружи.

Когда они встретились взглядами, Ирину как будто током тряхнуло – как будто на пепелище прямо из-под земли показался аленький цветочек.

– Кем вы работаете? – спросила Ирина, уже понимая, что будет работать с этой конкретной девушкой.

– Заместителем финансового директора. Ненавижу свою работу. И, предвзяв ваш вопрос, скажу: это происходит не потому, что она (работа) меня кормит, а потому, что я – отличница по жизни. Хотела быть учителем литературы. Но в педагогический было очень легко поступить. С моими-то медалями! Выбрала самый сложный факультет в другом институте – международные финансы. Сказала себе – что, слабо? И доказала, что нет, не слабо... Поступила. Цифры не люблю. Учиться трудно, неинтересно. Опять говорю себе – что, слабо? Нет! Вот он, красный диплом, аспирантура, кандидатская... Конкурс в крупнейший холдинг. Терпеть не могу! А участвую. И побеждаю... Отличница, черт побери. Дослуживаюсь до зам. директора. Дальше некуда, так как директор – иностранец, и это незыблемо.

Вроде бы все, остановись, подушка есть... Я имею в виду финансовую подушку. Сиди дома, пиши стихи, путешествуй... Так нет же... Как назло. Предлагают работу. Должность, зарплата, бонусы, компенсации, хрен собачий... все,

что угодно... Не знаю, села резюме подправить – хоть плачь, не хочу, а делаю. Мне туда не надо, а я туда рвусь. Спасите меня, пожалуйста...

«Ну и коктейль, – подумала Ирина, – А все ли тут в порядке с... Грань очень зыбкая... Кто определяет норму?».

– С головой у меня все, вроде бы, в порядке, – проговорила Жанна, – Да, я знаю, что все, кто «с отклонениями» именно так и говорят... Но я была у психиатра. У меня друг есть, профессионал. Сказал – не морочь голову. Нормальных сейчас вообще нет...

С тех пор прошло несколько месяцев. Жанна была спасена от новой высокооплачиваемой работы, как и хотела, разместила в интернете первый сборник своих стихов и осталась на старой работе, где было по-прежнему плохо и противно, но эта противность была привычной.

Они продолжали дружить.

Как оказалось, в случае Жанны, поменять «внутреннее» было легче, чем «внешнее».

– Ты понимаешь, что все своим видом ты показываешь, какая ты голодная? – Отчаявшись, Ирина уже отбрасывала все пошаговые планы, алгоритмы и проверенные техники. И задавала вопрос прямо в лоб.

– Голодная? – изумлялась Жанна, – Почему?

– Оголяя все, что у тебя есть хорошего или того, что ты считаешь хорошим, ты хочешь привлечь внимание именно к этим местам, говоря своим нарядом – а я ведь еще ничего?

Несмотря на мои сорок лет...

– Да почему же ты так решила? – Жанна

– Потому что это очень заметно.

– Наряд?

– Нет. То, что ты показываешь. Это видно. Ты компенсируешь голыми частями тела что-то другое. Заметны усилия вскочить в последний вагон, Жанна.

– Может, это видишь только ты? Я одеваюсь для себя. Мне так нравится. И бижутерию ношу для себя.

«А какого ж хрена ты тогда сюда пришла?», – хотела спросить Ирина, но промолчала...

Жанна не была первой, кто совершал это страшную ошибку не совсем молодых женщин.

Она может быть молода душой и разумом. Она может сделать несколько пластических операций. А иногда и без операций – быть в прекрасной форме. Следить за собой. Ходить на фитнес. Делать лицо...

Да, лицо... Лицо, на котором видно, что тебе не 20. Лицо, с которого не сотрешь ни всех огорчений, которые выпали на твою долю, ни всех радостей, которые тоже не всегда оставляют благоприятный след.

Конечно, можно подретушировать фотографию. Можно сделать хороший макияж. Можно подтянуть все, что можно подтянуть. Это поможет. Слегка. Только слегка.

Когда Ирина видела фотографии каких-то знаменитостей, которые по широкому, можно сказать, общественному мне-

нию, выглядели гораздо моложе своих лет, ей всегда виделся обман. Конечно, можно надеть туфли на высоком каблуке, утягивающее белье, замаскировать морщины и морщинки, поднять грудь, добавить задора во взгляд... Немного выпить, наконец...

И сделать несколько фото.

Именно несколько. Потом выбрать парочку. Отрезать лишнее. И...

«Боже, да тебе никогда не дашь больше 25 на этой фотографии!»

НА ЭТОЙ ФОТОГРАФИИ!

Потому что «не дашь» только здесь.

А встретишь на улице – и дашь. Как ни украшайся. Как ни старайся. Как ни «красивься», как говорит одна хорошая девочка, которая уже в четыре года поняла, что бывают ситуации, когда все попытки тщетны.

А женщина старается. Иногда бессознательно. Не принимая решений. Почувствовала – и соорудила себе наряд. Сексуальный. Красивый. И совсем не как в 20 лет. А... Как в 40, но... Подчеркивая (как она думает) самые выгодные места.

Она состоялась. Она добилась. Она – женщина. Она знает, куда вы должны смотреть.

Или думает, что знает.

Ирина не могла сказать (да и не хотела): «Жанна, ты выглядишь голодной и жалкой. По-дурацки.» А та продолжала кричать своим видом: «Не нравится лицо – смотри-

те на грудь! Или ниже! Только смотрите!» При этом вслух и Жанна, и все подобные ей дамы, говорили, что мнение окружающих, и, тем более, мужчин, их не волнует. От слова «вообще».

Некоторые приходили учиться, заявляя: «Они (мужчины) меня просто боятся. Боятся моего ума. Боятся, что я состо- ялась как личность. Просто боятся! Они себя не чувствуют полноценными рядом со мной.»

Это был один из самых трудных типов учениц. Убедить женщину, что мужчина не боится ее ума и совершенства, а просто ее не хочет, было сложно. Для нее проще и удобнее было думать, что она – совершенна, а любой мужчина – ско- пище недостатков.

Нужно было действовать деликатно. А хотелось поставить на место. Даже унижить. Показать, что... Раз ты так рассуж- даешь, то не такая уж ты и умная. Считать мужчин прими- тивными и одноклеточными гораздо проще и приятнее. Хо- тя... Если бы они были именно такими, какими ты их счита- ешь, то тебе, при твоём уме и выразительном декольте, ни- чего не стоило бы поймать на свой крючок пару десятков таких особей, а потом выбрать более-менее подходящего – по цвету и размеру.

Но, однако же, так не получалось. Получалось по-друго- му. Рядом не было никакого. Ни умного, ни глупого, ни бо- гатого, ни бедного, ни красивого, ни уроды. Ни-ка-ко-го!

Но разве можно было признаться себе, что ты никому

не нужна? Ну, себе-то, наверное, можно было, а вот другим...

И начинались придумываться истории. Я с ним встрети-лась, а он не знает, кто такой Гёте. Он пришел на свидание в синих носках и коричневых брюках. Он предложил мне по-ехать к нему на дачу на электричке.

Каков нахал, представляете?

А мысль работает. Мозги-то не выключишь!

А подсознание? Оно вообще действует по своим законам.

А в зеркало посмотришь? И что? Нет, если накраситься, одеться красиво и сексуально... Дорогие украшения... Ум-ное значительное лицо... Да кто ж устоит?

И, представляете, как-то удастся им устоять этим мерзав-цам! Стойкие, когда не надо.

А, может, они меня боятся? Как иначе объяснить, что они действуют против законов природы?

Ирина смотрела на Жанну и понимала, что с ней происхо-дит что-то подобное. Нет, у нее не было каких-то особых ам-биций, но эти ее постоянные рассказы о своем синдроме от-личницы в сорок лет, предполагающие, что собеседник пой-мет – я все делаю «на отлично», я предъявляю к себе та-кие же высокие требования, как к другим. Почему же я могу справиться, а вы – нет?»

И, при этом, вместо того, чтобы выдвинуть на первый план свою зрелую красоту и сексуальность, женщина про-должает выдумывать истории о том, как ее боятся глупые

мужчины и, при этом, продолжает оголять те места, которые и в 20 лет не у всех хорошо выглядят в обнаженном виде.

Увы...

– Может, они и боятся тебя, но... потому что ты их отпускаешь... Но не своим умом, а своим видом?

– А я вообще – странная женщина, – сказала Жанна.

Странная женщина, которая интересовалась секретами семейного счастья и делала наколки во всех доступных местах, писала стихи и работала финансовым менеджером, выставляла напоказ свою грудь и не хотела делать карьеру, страдала синдромом отличницы и не отказывалась от пяти цепочек на шее...

– В одной тебе материала хватит на десять тренингов, – говорила Ирина, – Просто бери, одно за другим, все твои качества, изучай, раскладывай по полочкам и учи других.

– Да на здоровье, – отвечала Жанна, – пока ты не сделаешь из меня девушку Серебряного века, я от тебя не отстану.

Глава 10

Я желаю вам добра

Руки тряслись, а троллейбус останавливался каждые две минуты – то на светофоре, то – в пробке.

Эвелина, слава Богу, сидела у окошка, так что можно было не присматриваться к тем пассажирам, которые нависали над теми, кто сидел. В ситуации, когда она занимала место у прохода, ей всегда было неловко, хотелось всем уступить место.

Но сегодня она не смогла даже толком порадоваться такому «выгодному» местечку у окна.

Руки тряслись, и ничего не радовало – ни пейзаж за окном, ни отсутствие необходимости приглядываться к каждому пассажиру.

Бэлла Иосифовна сегодня выступила в полной красе.

Эвелина никогда не относилась к числу людей, которые считают отдых в Заточе чем-то позорным и унижающим человеческое достоинство, но, в глубине души, мечтала, хотя бы о Турции. Марику, разумеется, было все равно, и он спокойно полагался на вкус и мнение жены, которая каждое лето, так или иначе, организовывала отдых для семьи. Как могла.

Попытки Эвелины как-то систематизировать процесс подготовки к отпуску не увенчивались успехом. На все ее призывы «а давай еще с осени откладывать понемногу, но регулярно, специально на отдых» встречали в его глазах полное равнодушие – как скажешь, дорогая. Потом наступала осень и Марик, как и в другие сезоны, отдавал жене часть своей, прямо скажем, небольшой зарплаты, подразумевая, что Эвелина может распоряжаться деньгами так, как хочет и как считает нужным – хочешь – откладывай на отдых, хочешь – покупай продукты, хочешь – иди в дорогой ресторан. Больше у меня нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.